

Balcania et Slavia

Studi linguistici | Studies in Linguistics

Vol. 6 – Num. 1

June 2026

e-ISSN 2785-3187

Edizioni
Ca' Foscari

e-ISSN 2785-3187

Balcania et Slavia

Studi linguistici | Studies in Linguistics

Editor-in-Chief
Iliyana Krapova

Edizioni Ca' Foscari - Venice University Press
Fondazione Università Ca' Foscari
Dorsoduro 3246, 30123 Venezia
URL <https://edizionicafoscari.unive.it/en/edizioni4/riviste/balcania-et-slavia/>

Balcania et Slavia

Studi linguistici | Studies in Linguistics

Semestral journal

Editor-in-Chief Giuseppina Turano (Università Ca' Foscari Venezia, Italia)

Managing Editor Giuseppe Sofo (Università Ca' Foscari Venezia, Italia)

Advisory Board Francesco Altimari (Università della Calabria, Italia) Paola Maria Cotta Ramusino (Università degli Studi di Milano, Italia) Stephen M. Dickey (University of Kansas, USA) Maksim Anisimovič Krongauz (Higher School of Economics, Russia) Brian Joseph (Ohio State University, USA) Iliyana Krapova (Università Ca' Foscari Venezia, Italia) Vladimir Aleksandrovič Plungian (Institute of Linguistics and V.V. Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Russia) Aleksandr Jur'evič Rusakov (Academy of Sciences of Albania, Albania) Andrej Nikolaevič Sobolev (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, Russia) Björn Wiemer (Johannes Gutenberg-Universität Mainz, Deutschland)

Editorial Board Assia Assenova (Università Ca' Foscari Venezia, Italia) Tsvetana Dimitrova (IBE, Academy of Sciences, Bulgaria) Pavel Duryagin (Università Ca' Foscari Venezia, Italia) Gëzim Gurga (Università degli Studi di Palermo, Italia) Flora Koleci (INALCO, France) Julia Nikolaeva (Sapienza Università di Roma, Italia) Laura Orazi (Università degli Studi di Macerata, Italia) Luisa Ruvoletto (Università Ca' Foscari Venezia, Italia) Linda Torresin (Università degli Studi di Verona, Italia)

Head office Università Ca' Foscari Venezia | Dipartimento di Studi Linguistici e Culturali Comparati | Ca' Bernardo | Dorsoduro 3199, 30123 Venezia, Italia | balcaniaetslavia@unive.it

Publisher Edizioni Ca' Foscari | Fondazione Università Ca' Foscari | Dorsoduro 3246, 30123 Venezia, Italia | ecf@unive.it

© 2026 Università Ca' Foscari Venezia

© 2026 Edizioni Ca' Foscari for the present edition

Quest'opera è distribuita con Licenza Creative Commons Attribuzione 4.0 Internazionale

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Certificazione scientifica delle Opere pubblicate da Edizioni Ca' Foscari: tutti i saggi pubblicati hanno ottenuto il parere favorevole da parte di valutatori esperti della materia, attraverso un processo di revisione anonima sotto la responsabilità del Comitato scientifico della rivista. La valutazione è stata condotta in aderenza ai criteri scientifici ed editoriali di Edizioni Ca' Foscari.

Scientific certification of the works published by Edizioni Ca' Foscari: all essays published in this issue have received a favourable opinion by subject-matter experts, through an anonymous peer review process under the responsibility of the Advisory Board of the journal. The evaluations were conducted in adherence to the scientific and editorial criteria established by Edizioni Ca' Foscari.

Sommario

Introduction

Luisa Ruvoletto 5

Umlauting Verbs in Albanian An Element-Theoretic Approach

Gjorgje Bozhoviq 9

“Nynešnie moi soparkniki, sokurortniki, sostakanniki” Productivity of the Russian Derivational Construction [so+X-nik] in Nonce Nouns

Valentina Benigni 29

Сопоставительное исследование дискурсивных формул в русском и итальянском языках с применением мультимедийных корпусов

Anna Lentovskaya 47

Costruzioni con il dativo interazionale nella comunicazione mediata dal computer in ceco: tra grammatica e interazione

Anna Perissutti 65

Русские конструкции «спонтанного начала» с частичной грамматикализацией глагола ‘пойти’: к анализу истории и структуры

Vladimir Plungjan, Ekaterina Rakhilina 81

Introduction

Luisa Ruvoletto

Università Ca' Foscari Venezia, Italia

This issue opens with **Gjorgje Bozhoviq** “Umlauting Verbs in Albanian: An Element-theoretic Approach”. In his article, the author proposes an alternative phonological analysis of Albanian verbs undergoing metaphony (umlaut), challenging the traditional rigid morphological classifications. In the present tense paradigm of Class II verbs, the stem vowel exhibits systematic alternations between *a/o*, *(j)e*, and *i* across different persons. This vocalic shift is frequently accompanied by stem-final velar palatalization or dental-alveolar alternations. While traditional Albanian grammars account for these variations through complex morphological taxonomies or treat them as purely ‘morphomic’ paradigm asymmetries, this study develops an analysis couched in Element Theory and Magnetic Grammar. By shifting the perspective from morphology to phonology, the proposed model demonstrates that these vowel and consonant alternations are driven by strictly modular, sub-segmental phonological processes. The findings provide a highly elegant and unified solution to the long-standing problem of the Albanian verbal paradigm. Ultimately, this approach eliminates the need for arbitrary morphological rules, proving that the seemingly irregular verbal inflections are the result of coherent and predictable internal phonological laws.

The remaining four articles in this issue address topics analyzed within the framework of Phraseology and Construction Grammar, a cognitive and functional approach that views language as a structured inventory of constructions, conceptualized as symbolic pairings of form and meaning. Their authors presented earlier versions of these studies at the International Conference *Frasesologia*

e Grammatica delle Costruzioni: tradizione e nuovi approcci nella linguistica russa (Phraseology and Construction Grammar: Tradition and New Approaches in Russian Linguistics), held at the University of Pisa in December 2024. We would like to express our sincere gratitude to Professor Viktoria Lazareva of the University of Pisa for organizing this conference, which provided a valuable forum for scholars from various Italian and international universities to exchange perspectives on their research in Phraseology and Construction Grammar.

The following is a concise overview of the contributions to this issue.

The article by **Valentina Benigni** “‘Nynešnie moi soparkniki, sokurortniki, sostakanniki’. Productivity of the Russian Derivational Construction [so+X-nik] in Nonce Nouns” investigates the productivity of the Russian derivational construction [so-X-nik] in the formation of nonce nouns. Adopting a usage-based Construction Grammar framework and a corpus-based methodology, the study focuses on the co-participative and deictic meanings associated with this pattern. The analysis is based on two corpora: Russian Trends, a web-based monitoring corpus of journalistic texts, and selected materials from the Russian National Corpus. The results show that, alongside highly lexicalized items (e.g. *sotrudnik* ‘collaborator’, *sovremennik* ‘contemporary’), the construction remains productive in generating low-frequency and occasional formations whose meanings are recoverable from the co-text and common ground. Particular attention is paid to plural preference, contextual interpretation, and the pattern’s compatibility with wordplay in journalistic discourse.

In her article “A Comparative Study of Discursive Formulas in Russian and Italian Using Multimedia Corpora” (*Sopostavitel’noe issledovanie diskursivnykh formul v russkom i ital’janskom jazykach s mul’timedijnykh korpusov*), **Anna Lentovskaya** examines discourse formulas in Russian and Italian within the framework of Construction Grammar, focusing on their role as stable, idiomatic units of colloquial speech that function as independent utterances. Characterized as “slotless” constructions, these speech formulas contain no variables and serve as completed communicative acts that express a speaker’s subjective attitude toward an interlocutor’s previous statement. Drawing on data from the *Pragmatikon* project at the Vinogradov Institute of the Russian Language, which catalogs over 700 such formulas, this paper explores the intersection of grammar, pragmatics, and sociolinguistics. Specifically, the research provides a comparative analysis of the polysemantic Russian formulas *nu chto ty* and *da nu* against their Italian pragmatic cognates, including *figurati*, *ma dai*, *macché*, and *ma va’*. Utilizing multimedia corpora, the study investigates their functional semantics, contextual variations, and translation correspondences, while explicitly accounting for both

verbal parameters and non-verbal components, such as intonation, gestures, and facial expressions.

The article by **Anna Perissutti**'s study "Costruzioni con il dativo interazionale in ceco nella comunicazione in Internet: tra grammatica e interazione" investigates interactional dative (ID) constructions in Czech within the framework of Grammar and Interaction, focusing on their function in digital communication using the csTenTen web corpus. Corpus analysis reveals three functional patterns of IDs – addressee-oriented for engagement, speaker-oriented for irony, and speaker-oriented for warnings – mapping them to specific grammatical structures including the dative of interest and idiomatic warning constructions. The full analysis of these interactional patterns and their grammatical mappings is detailed on the researcher's publication site.

The paper by **Vladimir Plungian** and **Ekaterina Rakhilina** "Russian 'Spontaneous Inceptive' Constructions with Partial Grammaticalization of the Verb *Pojti*: Towards an Analysis of History and Structure" investigates the Russian construction of "spontaneous inceptive" consisting of the perfective motion verb *pojti* and a dependent infinitive (e.g., *pošël krošit'*), which emerged at the beginning of the 19th century. The construction conveys the sudden, uncontrolled, and increasingly intense onset of a repetitive (multiplicative) action. Formally, it features emphatic prosody on *pojti* alongside strict grammatical constraints (a strong preference for finite third-person past-tense forms) and lexical restrictions (incompatibility with homogeneous processes or non-iterative verbs, except for "bleached" predicates like *česat'*). The study also examines the impersonal variant *i pošlo-poechalo* and the peculiar feminine form *pošla pisat'*, demonstrating that the latter originates in early 19th-century poetic usage (P. A. Vjazemskij) rather than Gogol's *Dead Souls*. Finally, recent marginal extensions to non-multiplicative contexts are discussed.

Balcania et Slavia is an online peer-reviewed journal, published annually in two issues and available in open access. In 2025, the journal was officially included in the list of Class A scientific journals by ANVUR (the Italian National Agency for the Evaluation of Universities and Research Institutes). The journal is published by Edizioni Ca' Foscari.

We thank the publisher Edizioni Ca' Foscari (ECF) for offering support and collaboration, and especially Ms Elisabetta Taboga for her great editorial help. Many tanks also go to our reviewers for their constructive criticism and valuable suggestions for each contribution.

Umlauting Verbs in Albanian An Element-Theoretic Approach

Gjorgje Bozhoviq
Masaryk University, Czech Republic

Abstract By pursuing an analysis couched in Element Theory and Magnetic Grammar, the paper presents a more elegant alternative to the traditional grammatical description and classification of Albanian verbs traditionally described as undergoing umlaut or metaphony, i.e. alternation of the stem vowel between *a/o*, *(j)e*, and *i* in various persons of the present stem paradigm. In contrast to the traditional account, the analysis developed herein has the advantage of being purely phonological, i.e. strictly modular. In addition, it provides a ready-made solution for the seemingly ‘morphomic’ pattern in the Albanian umlauting verbs present tense paradigm.

Keywords Element Theory. Magnetic Grammar. Metaphony (umlaut). Morphome. Verbs. Albanian.

Summary 1 Introduction. – 2 Analysis. – 3 Conclusion.

1 Introduction

In Albanian traditional grammar, verbs are classified into three conjugational classes, with a varying number of subclasses, according to various morphonological patterns that they exhibit (cf. Beci 2005, 124-5; Buchholz, Fiedler 1987, 88-95, 100 Demiraj 2002, 278-84; Newmark et al. 1982, 39; inter alia). Thus, Class I encompasses verbs ending in a vowel plus nasal suffix alternating with *-j*, such as *shko-j*: *shko-n* ‘to go’; Class II encompasses verbs ending in a consonant with zero suffix in the singular, featuring in turn characteristic stem-internal vowel alternations, such as *dal*: *del*: *dil*:- aor. *dol-a* ‘to come out’; and Class III encompasses verbs ending in a vowel featuring

Peer review

Submitted 2026-06-13
Accepted 2026-07-02
Published 2026-10-14

Open access

© 2026 Bozhoviq | © 4.0

DOI 10.30687/BES/2785-3187/2026/01/001

zero suffix in the singular, such as *di* ‘to know’. Their present tense paradigms are reproduced in Table 1.

Table 1 Present tense paradigms of the three conjugation classes in Albanian

Person	Class I		Class II		Class III	
	SG	PL	SG	PL	SG	PL
1	<i>shko-j</i>	<i>shko-jmë</i>	<i>dal</i>	<i>dal-im</i>	<i>di</i>	<i>di-më</i>
2	<i>shko-n</i>	<i>shko-ni</i>	<i>del</i>	<i>dil-ni</i>	<i>di</i>	<i>di-ni</i>
3	<i>shko-n</i>	<i>shko-jnë</i>	<i>del</i>	<i>dal-in</i>	<i>di</i>	<i>di-në</i>

Particularly interesting from the perspective of linguistic theory and description are the umlauting verbs in Class II, featuring stem-vowel alternations traditionally labelled umlaut or metaphony in the present tense paradigm, such as *dal*: *del*: *dil*- in Table 1, *flas*: *flet*: *flis*/*flit*- ‘to speak’, *shoh*: *sheh*: *shih*- ‘to see’ etc. Leaving aside the aorist forms, which feature stem-vowel changes of their own (i.e., the so-called ablaut or apophony), an umlauting Class II verb in Albanian may have up to three present stem allomorphs (the aorist stem being an additional, fourth one): one allomorph featuring the low or back vowel *a* or *o*, usually in the 1_{SG}/PL and 3_{PL} forms; one featuring the mid-front vowel *e* or the diphthong *ie/je* at least in the 2/3_{SG} form; and a third one featuring the high front vowel *i*, usually surfacing in the 2_{PL} form and all other verb forms built from the present stem (i.e. inflected forms of the mediopassive, the imperfect, and usually also the imperative). Cf. the present tense paradigms of three such umlauting verbs in Table 2, viz. *dal* ‘to come out’ (repeated below from Table 1) and *shoh* ‘to see’, featuring the maximum of three present stem allomorphs (alternating between the stem vowels *a*: *e*: *i* and *o*: *e*: *i*), and *mbjell* ‘to sow’, with two present stem allomorphs (alternating between *je* and *i*); the respective alternation patterns are outlined for easier reference.

Table 2 Present tense paradigm of Class II umlauting verbs in Albanian

Person	SG	PL	SG	PL	SG	PL
1	<i>dal</i>	<i>dal-im</i>	<i>shoh</i>	<i>shoh-im</i>	<i>mbjell</i>	<i>mbjell-im</i>
2	<i>del</i>	<i>dil-ni</i>	<i>sheh</i>	<i>shih-ni</i>	<i>mbjell</i>	<i>mbill-ni</i>
3	<i>del</i>	<i>dal-in</i>	<i>sheh</i>	<i>shoh-in</i>	<i>mbjell</i>	<i>mbjell-in</i>

In addition, the stem-vowel umlaut or metaphony in Albanian Class II verbs is usually accompanied by stem-final consonant mutations as well, i.e. the palatalisation of velars *k* and *g*, which surface as the

palatals *q* /c/ and *gj* /j/¹ in the vicinity of metaphonised stem vowel *i*, and a similarly distributed accompanying allomorphy in verbs with stem-final alveolars *t* and *s*. The present tense paradigms of two such umlauting and palatalising/sibilantising verbs, *djeg* ‘to burn’ and *flas* ‘to speak’, are reproduced in Table 3. (In terms of stem-vowel alternations, *djeg* behaves like *mbjell* and *flas* behaves like *dal*.)

Table 3 Present tense paradigm of Albanian verbs *djeg* and *flas*

Person	SG	PL	SG	PL
1	<i>djeg</i>	<i>djeg-im</i>	<i>flas</i>	<i>flas-im</i>
2	<i>djeg</i>	<i>digj-ni</i>	<i>flet</i>	<i>flis-ni / flit-ni</i>
3	<i>djeg</i>	<i>djeg-in</i>	<i>flet</i>	<i>flas-in</i>

Not all Class II verbs that feature stem vowels *a* or *o* undergo umlaut, however. For instance, in contrast to *dal* and *shoh*, verbs like *hap* ‘to open’ or *ngroh* ‘to warm up’ keep the stem vowel unchanged throughout the paradigm [tab. 4].

Table 4 Present tense paradigm of Albanian verbs *hap* and *ngroh*

Person	SG	PL	SG	PL
1	<i>hap</i>	<i>hap-im</i>	<i>ngroh</i>	<i>ngroh-im</i>
2	<i>hap</i>	<i>hap-ni</i>	<i>ngroh</i>	<i>ngroh-ni</i>
3	<i>hap</i>	<i>hap-in</i>	<i>ngroh</i>	<i>ngroh-in</i>

In other words, the affection of stem vowels in Albanian, at the first glance, appears to be highly idiosyncratic. Moreover, it is both scalar (with two or three degrees, viz. *e/ie/je*: *i* and *a/o*: *e*: *i*) and derivationally opaque, which raises important questions about its grammar and representation (such as, are we dealing with a single process at all, or more distinct ones, etc.). In addition, while inspecting the Tables 2-3 above, note that an L-shaped ‘morphomic’ pattern (in the sense of Maiden 2018) regularly emerges with umlauting verbs in Albanian: there is no single morphosyntactic feature that could define all forms sharing a particular allomorph and thus motivate their signature distribution. If no phonological explanation for the alternations in question can be provided either, as suggested by the traditional descriptive account and the contrast between the examples given in

¹ The exact phonetic realisation of the palatals varies significantly across dialects (cf. Gjiniari, Shkurtaç 2003). Albanian is traditionally classified into Gheg and Tosk dialect groups.

Tables 2-3 vs. 4, then we are indeed left with a rather complex, ‘purely morphological’ system, with numerous conjugational subclasses, which have to be marked with special diacritics and/or independently stored in the lexicon.

By contrast, in this paper I will present an alternative analysis of the Class II umlauting verbs in Albanian, couched in Element Theory (ET), which restates the distribution of Class II allomorphs in terms of a regular, productive phonological process. In that way, the analysis pursued here provides a more elegant, phonologically based account for all synchronically observed patterns in the Tables 1-4 above, without the need for resorting to lexical or morphological diacritics and postulating different conjugation classes and subclasses, as is the case in Albanian traditional grammar. In particular, the ET analysis provided below draws on van Oostendorp and D’Alessandro’s (2018) notion of magnetism in grammar, and at the same time, supports it in turn with additional empirical evidence from Albanian.

2 Analysis

2.1 Setting the Stage: Albanian Verbs Revisited

An important preliminary step in the analysis to follow is a reconsideration of Albanian present tense morphology. Note that the traditional classification of verbs in Albanian, as laid out above, is entirely based on the descriptive notion of the stem as ‘the minimal unchanged part of the word’ throughout the paradigm (modulo Class II stem allomorphy). As argued by Trommer (2013) and Božović (2015, 393), however, this fails to capture the fact that all three classes of verbs essentially share the equal set of inflectional endings in the conjugation, with an essentially equal distribution of alternating forms in both Classes I and II, given that the segments *-j* and *-n* in Class I verbs practically alternate in the same persons where Class II verbs have stem-internal metaphony [tab. 5].

Table 5 Present tense paradigms in Albanian, reconsidered

Person	Class I		Class II		Class III	
	SG	PL	SG	PL	SG	PL
1	<i>shko-j</i>	<i>shko-jmë</i>	<i>dal</i>	<i>dal-im</i>	<i>di</i>	<i>di-më</i>
2	<i>shko-n</i>	<i>shko-ni</i>	<i>del</i>	<i>dil-ni</i>	<i>di</i>	<i>di-ni</i>
3	<i>shko-n</i>	<i>shko-jnë</i>	<i>del</i>	<i>dal-in</i>	<i>di</i>	<i>di-në</i>

Therefore, rather than segmenting the iotated/nasal part from the

vocalic stems in Class I, the consonantal segment *-j/-n* should be considered part of the stem allomorphy and not of the endings. Whereas the resulting distribution of stem allomorphs is the same as in Class II umlauting verbs, Class I endings, in turn, are identical to Class III, i.e. the actual vocalic stem conjugation. Under this account, there only is a single conjugation class in Albanian, with the inflectional endings *-Ø* (in the singular, notwithstanding the alternation), *-m(ë)*, *-ni*, and *-n(ë)* (in the plural, with phonotactically conditioned allomorphs *-im* and *-in* in Class II).

In addition to capturing an important generalisation that the traditional account misses, this analysis is historically more accurate and it can account for the dialectal forms as well as the standard ones. Namely, the unification of Class I and II verbs, as belonging to the same conjugation class with stem-internal alternations, is additionally supported by the fact that both feature an underlying 1sg ending *-i*, present overtly in some dialects in Class II verbs, as well as in a small class of standard language forms of verbs of motion, such as *ik-i* ‘to go’. In Class I verbs, this ending, in its asyllabic variant, is obscured by a sound change affecting the stem-final nasal, producing a palatalised *nj* /*ɲ*/ (< *n-j*) in Tosk Albanian, which is regularly reduced to *-j* in Gheg and from there taken over to the standard language, hence the 1sg and 1/3pl forms in *-j*. Similarly, in Class II, the iotation affects the stem-final *t*, producing the *t*: *s* alternation in the same persons, in verbs such as *flas* (< **flat-j*) ‘to speak’ (cf. Topalli 2007).

Having thus reformulated the traditional classification to more accurately reflect the distribution of verbal stem allomorphs, the alternation traditionally described as metaphony in Class II umlauting verbs likewise becomes part of a wider pattern of Albanian conjugation, that includes stem alternations in (now unified) Class I as well as Class II verbs. In the following section, I will introduce the basics of the theoretical framework, which will then allow me to develop an Element-theoretic analysis accounting for this pattern, in Section 2.3 below.

2.2 ET and Magnetic Grammar

In Element Theory (Backley 2011), phonological segments are structurally decomposed into six acoustically based monovalent primitives, called elements. For instance, vowels may be reduced to three elements of place, represented as *|A|* (present in non-high vowels), *|I|* (front vowels), and *|U|* (back and rounded vowels). Combined and on their own, these three elements produce the 7 vowels of standard Albanian, as in (1).

- (1) /a/ = |A|
 /i/ = |I|
 /u/ = |U|
 /e/ = |A.I|
 /o/ = |A.U|
 /y/ = |I.U|²
 /ə/ = no elements

The additional three elements, viz. |ʔ| (occlusion), |H| (high fundamental frequency), and |L| (low fundamental frequency), are used in combination with the place elements to account for manner and laryngeal properties in consonants. Elements may be headed, i.e. they combine asymmetrically to form segmental expressions (Backley 2017; 2021), thus determining in turn their phonetic interpretation by means of head-dependent relations between elements. Cf., e.g., the correlation of element headedness with different phonological classes of consonants in Table 6.

Table 6 Phonological characteristics of headed/non-headed elements in consonants (from Backley 2017)

element	acoustic property	phonological category	
		non-headed	headed
I	high F2 converging with F3	(some) coronals	palatals
U	low frequency energy in F1-F3	velars	labials
A	high F1 converging with F2	(some) coronals	gutturals
ʔ	abrupt drop in amplitude	occlusives	ejectives, implosives
H	aperiodic noise	obstruents	fortis/aspirated obstruents
L	periodic murmur	nasals	voiced obstruents

As noted by Backley (2017), however, headedness should be best viewed as an inherent property of individual elements, rather than as a relational property of whole expressions. This is, among others, corroborated by the representation of glides as simplex melodic expressions, whose phonetic realisation changes solely depending on whether their single element appears in its headed or non-headed form [tab. 7].

Table 7 Glides as simplex representations (from Backley 2017)

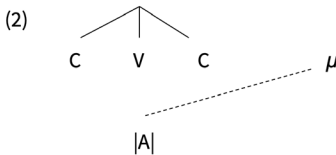
headedness	I	U	A
non-headed	[r]	[ɰ]	[ɹ]
headed	[j]	[w]	[r], [ɹ]

2 For an alternative analysis, see below (§2.3.2).

Headedness of an element is marked by underlining, e.g. |A| vs. non-headed |A|. In terms of phonological processes, headed elements are strong, i.e. they are more resilient to alternation and change than non-headed elements.

ET is particularly convenient for a neat representation of various alternations at the subphonemic level, including such metaphonic changes like the alternation of /a/ = |A| with /e/ = |A.I|, or the accompanying consonant palatalisations, which can be easily captured by the insertion of a subphonemic element |I| (cf. below).³ As noted by van Oostendorp and D'Alessandro (2018) for Italic, however, the problem for ET is how to represent a scalar or derivationally opaque process, that seems to involve both insertion and deletion of various elements simultaneously; just as it is the case in Albanian metaphony, as described above in full, involving the alternation of both /a/ and /o/ with both /e/ and /i/, in various verbs.

In order to capture one such complex metaphonic system, involving both raising and lowering in Italic, these authors (D'Alessandro, van Oostendorp 2016; van Oostendorp, D'Alessandro 2018) develop an Item-and-Arrangement-based approach termed Magnetic Grammar (cf. further D'Alessandro, van Oostendorp 2020). Namely, the authors postulate magnetism effects, involving feature attraction or repulsion, in various parts of the grammar, in phonology and beyond. Thus, in Italo-Romance metaphonic systems, they assume that such magnetic effects of the certain suffixes are responsible for absorbing an element from the stem vowel. For instance, one such suffix, called '|A| Eater', the existence of which is postulated by D'Alessandro and van Oostendorp (2016), produces metaphony in nominal plural formation in Abruzzese, by virtue of the exponent of plurality being a floating empty mora that is capable of attracting the |A| element from the stem vowels /e/ = |A.I| and /o/ = |A.U|, thus metaphonising them to /i/ and /u/, respectively. However, as this mora itself is not linked to any higher-order structure, it remains unpronounced, along with the |A| element now linked under it (2).

3 In a similar fashion, velar palatalisation has been analysed within ET as the autosegmental spreading of the palatality element |I| by Zdziebko (2023), with data from Polish. A related analysis of Polish affricate palatalisation postulates integration of floating autosegmental place nodes, containing both |A| and |I| (Zdziebko 2025). For a similar, substance-free analysis of the various patterns of palatalisation in Czech, now see Cavarani, Vanden Wyngaerd 2026.

In what follows, I will use ET and the notion of magnetism to provide a similar unifying, principled account of the alternations in Albanian present tense conjugation, thus explaining away both stem-vowel metaphony and accompanying consonant mutations as merely surface effects of the magnetic behaviour of Albanian verbal suffixes.

2.3 Magnetism Effects in Albanian

2.3.1 A: e Verbs

Let us first consider the class of umlauting verbs with stem vowels alternating between /a/ and /e/ resp. /i/ (the *dal*-type). Their paradigms are reproduced below [tab. 8].

Table 8 Present tense paradigm of a: e verbs in Albanian

Person	SG	PL	SG	PL	SG	PL
1	<i>dal</i>	<i>dal-im</i>	<i>flas</i>	<i>flas-im</i>	<i>marr</i>	<i>marr-im</i>
2	<i>del</i>	<i>dil-ni</i>	<i>flet</i>	<i>flis-ni / flit-ni</i>	<i>merr</i>	<i>merr-ni</i>
3	<i>del</i>	<i>dal-in</i>	<i>flet</i>	<i>flas-in</i>	<i>merr</i>	<i>marr-in</i>

The traditional account, starting with the 1SG form containing /a/ (i.e. *dal*, *marr*, *flas*) as the basic form, is problematic on both descriptive and explanatory grounds. First of all, if the 1SG form is taken as the basic allomorph, the alternation would involve addition of the [I] element in the second and third person singular, and subtraction of the [A] element in the 2PL form, except in the verb *marr* ‘to take’, whose 2PL form is *merr-ni* (not *mirr-ni*). Likewise, verbs in *s* would alternate their stem-final consonant with *t* in the same persons (optionally in the 2PL form). This creates a ‘morphomic’ distribution (in the sense of Maiden 2018), which cannot be motivated on independent phonological or morphosyntactic grounds. Second of all, the analysis would have to postulate a palatal suffix capable of simultaneously triggering vowel raising and de-sibilantisation in the 2/3SG forms, which is rather unnatural. On the contrary, there

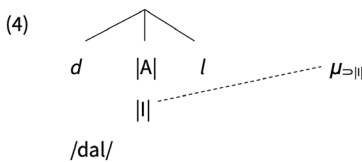
is historical and other empirical evidence for a 1_{SG} palatal suffix, as discussed above (§2.1), which sets the alternation in the opposite direction. Finally, the exceptional 2_{PL} form remains unexplained.

Therefore, instead of an alternation involving element addition, I propose to mirror van Oostendorp and D'Alessandro's (2018) approach to metaphony in Italo-Romance by element subtraction, with a suffix attracting a stem-vowel element by its magnetic force. Given that /e/ is the most complex of the stem vowels in Albanian, with both elements |I| and |A| that can be subtracted from it to derive /a/ and /i/, respectively, and that the 3_{SG} form in Albanian is in general the morphologically unmarked form, I will take it as the basic allomorph and derive all other allomorphs from it.

Akin to D'Alessandro and van Oostendorp's (2016) '[A] Eater' morpheme, I will assume a floating segment as the exponent of the 1_{SG} present tense suffix in Albanian, with an attracting effect towards the |I| element (i.e., an '[I] Eater').⁴ In Magnetic Grammar, elements are assumed to have attracting or repelling force toward other elements, dictating their combinability. This may be expressed as a diacritic on an element, as in (3) (from van Oostendorp and D'Alessandro 2018).

- (3) a. X_{repel} : X repels Y, a representation is ill-formed if X and Y occur in the same domain
 b. X_{attract} : X attracts Y, a representation is ill-formed if X and Y do not occur in the same domain
 c. X: there is no relation between X and Y

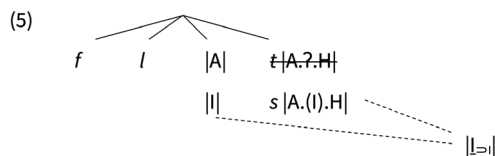
When such segment with magnetic effects towards the |I| element is suffixed in the first person singular in *dal*-type verbs, it attracts the |I|-element from the stem vowel /e/ = |A.I|, effectively lowering it to /a/, as in (4).

This attracting segment in Albanian is not empty, however. It seems to already consist of another floating element |I|. Namely, there is ample evidence from Albanian dialects for such suffix, surfacing

⁴ van Oostendorp and D'Alessandro (2018) further refine the account in D'Alessandro and van Oostendorp (2016) by postulating a weak vowel in Abruzzese suffixes, with both attracting and repelling effects towards |A| and |I|, respectively. This is not relevant, however, for our case at hand.

as *-i* in Class II non-umlauting verbs such as (dialectal) *mat-i* ‘I measure’, *kap-i* ‘I grab’, *rrit-i* ‘I grow’, as well as in a small class of verbs of motions, such as *ik-i* ‘I go’. In addition, accompanying consonant mutations in both Class I and Class II verbs corroborate the palatalising/assibilating effect of the 1SG suffix in Albanian, as discussed above (cf. Class I *shkon-j* in Tosk Albanian > *shkoj*, Class II **flat-j* > *flas*). As a floating element, this [ɪ] looks out for the closest position to be realised, if possible, and this is always the stem-final segment, which ends up palatalised (assibilated) by it; cf. the representation of *flas* ‘I speak’ in (5).⁵ Another overt manifestation of the floating [ɪ] is encountered in the plural, where it surfaces as the epenthetic vowel in 1PL *dal-i-m*, 3PL *dal-i-n* etc., again in combination with the lowering effect on the stem vowel /e/, whose element [ɪ] has been eaten by it.

This suffix, therefore, has the capacity to delink an [ɪ] element from the closest stem vowel as well as to link a floating [ɪ] element to the closest (stem-final) segment or insert it due to phonotactic constraints. The Albanian 1sg present tense suffix may thus be represented as in (6), consisting of a floating element [ɪ], with an additional affinity towards the [ɪ] element.

(6) 1SG.PRES $\Leftrightarrow$ [ɪ_{-ɪ}]

Incidentally, this is also part of the representation of present tense suffixes in the plural, which show the same magnetic effects, in addition to carrying other segmental material; cf. (7).

(7) a. 1PL.PRES $\Leftrightarrow$ [ɪ_{-ɪ}] m
b. 3PL.PRES $\Leftrightarrow$ [ɪ_{-ɪ}] n

⁵ Note also the structural parallelism between the Gheg sound change *nj* > *j* (as in *shkoj*) and the alternation of stem-final *t* with *s* (as in *flas*), which can both be alternatively described in terms of the deletion of the element [ʔ] from the manner structure (cf. Botma 2004, 79 for nasals and the representation in (5) for the *t*: *s* alternation). I intend not to pursue this particular analysis further at this point, but it should be stated that this parallelism can only be observed in ET and can be accommodated for in a similar fashion to the model provided in the paper.

By contrast, the 2_{PL} form seems to attract the |A| element instead (8).

- (8) $d \quad || \quad l \quad -ni \Rightarrow |A| \Leftrightarrow 2_{PL}.PRES$
 $|A|$
 /dilni/

That the 2_{PL} suffix indeed interacts with the |A| element is further corroborated by the R-blocking effect for stem-vowel metaphony, which is observed in the (seemingly exceptional) form *merr-ni* (not *mirr-ni*). Recall that glides are simplex representations of the place elements, whereby *rr* /r/ corresponds to a headed |A| (§2.2). Presuming that glides behave as vowels in structural terms, in a verb like *marr* ‘to take’, the closest |A| element to the 2_{PL} ‘|A|-eating’ suffix is the element contained by the stem-final glide *rr* /r/, not the stem vowel /e/. However, loosing it would result either in a non-existent or ill-formed representation, which is why the attracting property of the suffix stays unsatisfied. Alternatively, as a strong element it may be by itself protected from the attracting magnetic force of the 2_{PL} suffix *-ni*, by virtue of being headed and/or the sole element in the simplex melodic expression |A|.

In addition, unlike the first and the third person plural, the 2_{PL} suffix is unable to insert an epenthetic *i*, which means that it lacks a floating element, but it does (optionally) assibilate or palatalise the stem-final consonant (cf. *flis-ni* / *flit-ni* ‘you.PL speak’). The palatalisation here likely results from spreading the neighbouring |I| element from the stem vowel, as discussed in more detail below, in Section 2.3.3.

2.3.2 O: e Verbs

Let us turn now to the verbs with stem vowels alternating between /o/ and /e/ resp. /i/, i.e. the *shoh*-type verbs. Their paradigm is reproduced below, for easier reference [tab. 9].

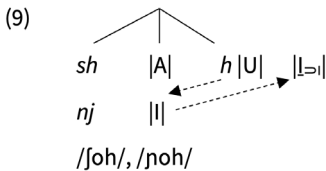
Table 9 Present tense paradigm of o: e verbs in Albanian

Person	SG	PL	SG	PL
1	<i>shoh</i>	<i>shoh-im</i>	<i>njoh</i>	<i>njoh-im</i>
2	<i>sheh</i>	<i>shih-ni</i>	<i>njeh</i>	<i>njih-ni</i>
3	<i>sheh</i>	<i>shoh-in</i>	<i>njeh</i>	<i>njoh-in</i>

In contrast to *a: e* verbs, the analysis here has to accommodate for the additional labiality/backness element |U|, which is present in

the vowel /o/ = [A.U]. In fact, this is a lexically well-defined class of verbs ending in *-h*, including *shoh* ‘to see’ and *njoh* ‘to know’. Etymologically, the stem-final fricative *-h* in Albanian comes from the inchoative/durative present tense formant **-sk*, originally consisting of a fricative and a velar part (cf. Ancient Greek *-σκω* etc.; Rix et al. 2001 [LIV]: 19 et passim), which may be responsible for the labialising/backing effect on the stem vowel. Namely, the acoustic affinity of labials and velars is corroborated by the common sound changes and phonological processes in which they form a natural class, supporting a representation of both classes by the same ‘dark’ element [U] (Backley, Nasukawa 2009; cf. also Ulfsgjorninn 2021).

A floating [U], for which there is etymological evidence, may be assumed, therefore, to accompany the present tense formant *-h* lexically in verbs such as *shoh* and *njoh*.⁶ When the element [I] is delinked from the stem vowel by the [I]-absorbing suffix, this floating [U] is linked to the now free position, producing the back vowel /o/ (9). In all other aspects, the derivation is the same as the one detailed out for *a: e* verbs above.

Note that the floating [U] element fails to link to the stem vowel in the 2_{PL} form (*shihni*), although [A] is delinked here by the magnetism effect of the [A]-attracting 2_{PL} suffix *-ni*. This is actually a desirable result from the point of view of phonological theory. Namely, the fact that apparent insertion of the [U] element in Albanian *o: e* verbs coincides and is conditioned by subtraction of the [I] element by the [I]-eating suffix in the 1_{SG}, 1_{PL}, and 3_{PL} forms, and not by subtraction of the [A] element, leaving behind the [I] element *in situ*, may be argued to fall out naturally from the general constraint on the co-occurrence of [I] and [U] elements, as argued for, e.g., by Scheer (1999). As [I] encodes frontness and [U] encodes backness (in velars and back vowels, etc.), they represent conflicting properties and

⁶ See also Backley and Nasukawa (2016) for a similar account of Japanese *h*. In a similar vein, Scheer (1999) has the elements [U] for backness and [B] for labiality, arguing for a strict distinction between the two.

should not combine in the same expression (cf. Backley 2012, 85-6).⁷

2.3.3 Je-Verbs

The final subclass of umlauting verbs in Albanian are the *mbjell*-type verbs. They have an alternation of their stem diphthong and /i/, accompanied by stem-final velar palatalisation, only in the 2_{PL} present tense form [tab. 10]. Note that in *ngre* ‘to lift’ vel sim., the diphthong is obscured by the preceding consonant cluster ending in a liquid (Orel 2000, 6).

Table 10 Present tense paradigm of je-verbs in Albanian

Person	SG	PL	SG	PL
1	<i>djeg</i>	<i>djeg-im</i>	<i>mbjell</i>	<i>mbjell-im</i>
2	<i>djeg</i>	<i>digj-ni</i>	<i>mbjell</i>	<i>mbill-ni</i>
3	<i>djeg</i>	<i>djeg-in</i>	<i>mbjell</i>	<i>mbjell-in</i>
1	<i>shpie</i>	<i>shpie-m</i>	<i>ngre</i>	<i>ngre-më</i>
2	<i>shpie</i>	<i>shpi-ni</i>	<i>ngre</i>	<i>ngri-ni</i>
3	<i>shpie</i>	<i>shpie-n</i>	<i>ngre</i>	<i>ngre-në</i>

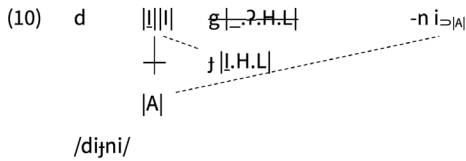
The distribution of *je* vs. *ie* is not entirely clear, either (Orel 2000, 4), but do note that the ‘epenthetic’ vowel, from the floating element in the 1_{PL} and 3_{PL} forms, seems to coincide with the reduced (light) diphthong *je* in consonantal stems, and they are in complementary distribution with the full (heavy) diphthong *ie* in vocalic stems, as in *shpie* ‘to lead’, which has to be an effect of the prosodic structure.

In any case, as the diphthongs may be represented as sequences of elements $[I] = /i, j/$ and $[A.I] = /e/$, the $[I]$ -eating magnetic effects of the suffixes could easily be obscured on the surface level. As diphthongs are internally complex elements, it is usually only the rightmost part of the diphthong that is affected by the phonological processes in their environment. Therefore, the diphthong may be easily restored phonologically, even when one of the $[I]$ elements is lost. Alternatively, the magnetic effects of the suffixes may be blocked by the headed element $[I]$ itself, which, as a strong element, wins over the attracting force of the suffix.

In the 2_{PL} form, on the other hand, the suffix *-ni* successfully attracts the rightmost $[A]$ element from the stem. Thus, the only material remaining is the surplus of $[I]$ elements, which realises

⁷ In line with the notation in Scheer (1999), the front rounded vowel /y/ should then be represented as $[I.B]$, thus modifying its initial representation given in (1).

the stem vowel as /i/ and palatalises the stem-final consonant by spreading an [I] element from a neighbouring segment (10).

The verbs *pyes* ‘to ask’ and *vdes* ‘to die’ follow a similar pattern as *je*-verbs [tab. 11]. The former has a labialised stem diphthong *ye*, in all aspects otherwise parallel to *ie/je*, with *t: s* alternation regularly induced by the floating [I] from the ‘[I] Eater’ suffix. The latter, however, has an underlying stem-final /s/, so there is no consonant mutation, but it has a covert diphthong, with the 2_{PL} form *vdis-ni* as the only ostensible trace of the stem-vowel alternation affecting its [A] element.

Table 11 Present tense paradigms of Albanian verbs *pyes* and *vdes*

Person	SG	PL	SG	PL
1	<i>pyes</i>	<i>pyes-im</i>	<i>vdes</i>	<i>vdes-im</i>
2	<i>pyet</i>	<i>pyes-ni / pyet-ni</i>	<i>vdes</i>	<i>vdis-ni</i>
3	<i>pyet</i>	<i>pyes-in</i>	<i>vdes</i>	<i>vdes-in</i>

2.3.4 Non-Umlauting Verbs

Taking the 3_{SG} form as the basic allomorph in Albanian verbal conjugation, under the magnetism account provided above, also explains the lack of alternation in a subset of verbs with stem vowels /a/ or /o/, such as *hap* ‘to open’, *ngroh* ‘to warm up’ etc. (Recall Table 4, reproduced in Table 12 below, for easier reference.)

Table 12 Present tense paradigms of non-umlauting verbs in Albanian

Person	SG	PL	SG	PL
1	<i>hap</i>	<i>hap-im</i>	<i>ngroh</i>	<i>ngroh-im</i>
2	<i>hap</i>	<i>hap-ni</i>	<i>ngroh</i>	<i>ngroh-ni</i>
3	<i>hap</i>	<i>hap-in</i>	<i>ngroh</i>	<i>ngroh-in</i>

Namely, if there is no [I] element underlyingly present in the stem vowel, the attraction property of the suffixes simply remains unsatisfied and no stem-vowel alternation occurs. Therefore, a

unified phonological account of all attested patterns, based on language-specific magnetic forces in the present tense suffixes and the general conditions of phonological well-formedness, has a clear advantage over postulating the existence of lexical diacritics and numerous morphological (sub)classes to explain the (lack of) stem-vowel metaphony in particular verbs in Albanian.

Interestingly, no |A|-eating in the 2_{PL} form takes place, either. I leave this issue open for now, although it may be the case that delinking the sole element from the stem vowel /a/ = |A|, as in *hap*, would result in an illicit representation (**hpni*). Also, as the sole element in a structure is always headed, i.e. the only element is automatically assigned the head status, it may also be protected from the magnetic forces of the suffix simply by virtue of being strong.

The verb *ngroh* vel sim. may be underlyingly akin to *hap* and *o*: *e* verbs such as *shoh*, in having the stem vowel /a/ = |A| with an additional floating |U| from *-h* < **sk*, thus backing the stem vowel to /o/, as discussed above (§2.3.2).

Conversely works the same, too. If the sole element is |I|, no attraction happens, as is the case with the small class of verbs of motion, such as *ik-i* ‘to go’ and *hip-i* ‘to go up’ [tab. 13]. However, the floating |I| surfaces in these verbs as the overt 1sc suffix and the epenthetic vowel in the plural, along with the nasal formant in 2/3sc, shared with Class I verbs.⁸

Table 13 Present tense paradigms of the verbs of motion in Albanian

Person	SG	PL	SG	PL
1	<i>ik-i</i>	<i>ik-im</i>	<i>hip-i</i>	<i>hip-im</i>
2	<i>ikën</i>	<i>ik-ni</i>	<i>hipën</i>	<i>hip-ni</i>
3	<i>ikën</i>	<i>ik-in</i>	<i>hipën</i>	<i>hip-in</i>

2.4 Summary and Discussion

Rather than splitting the Albanian verbal lexicon into umlauting and their mirror-like counterparts, non-umlauting verbs, the analysis couched in ET and Magnetic Grammar, as pursued here, allows us to consider verbal umlaut or metaphony in Albanian as a productive

⁸ Another such non-umlauting verb of motion is *ec-i* ‘to walk’, which curiously lacks metaphony despite having the stem vowel /e/. To accommodate for it, as well as all the other Class I (nasal stem) verbs, which never feature any metaphonic alternations, irrespective of what their stem vowel is, an alternative analysis could have the stem-final nasal somehow interacting with the magnetic properties of inflectional suffixes, instead of the stem vowels. In other words, the regular co-occurrence of the nasal formant with lack of metaphony is probably not accidental.

phonological process, affecting the underlying stem vowel /e/ = [A.I], in all verbs where the conditions for its application are met. Its metaphonic behaviour in the conjugation is simply a consequence of the magnetic forces of Albanian verbal suffixes, variously attracting the [I] and [A] elements from the stem vowel.

Morphology, in that sense, has no special role in producing the stem allomorphy, other than simply providing the contexts in which the phonological representations of the stem and of the inflectional suffixes with their magnetic properties, as reproduced here in (11), regularly interact with each other. In other words, with the phonological representation of the present tense inflectional suffixes as in (11), there is no need for resorting to any morphologically or lexically conditioned allomorphy in the Albanian verbal system.

- (11) a. 1SG.PRES $\Rightarrow$ [I_σ] |
 b. 2/3SG.PRES $\Rightarrow$ $\emptyset$
 c. 1PL.PRES $\Rightarrow$ [I_σ] | m
 d. 2PL.PRES $\Rightarrow$ n i_σ | [A]
 e. 3PL.PRES $\Rightarrow$ [I_σ] | n

There are several independent pieces of evidence for the floating segments and the magnetic properties of the affixes in (11), as demonstrated in the analysis. First, their existence is pointed out by the palatalisations and *t*-assibilation accompanying metaphony in various persons of the present tense paradigm. Second, they are made overt by prosodic structure requiring the insertion of an epenthetic vowel, which surfaces as *i*, in certain structural configurations. Third, this structure surfaces overtly as the 1SG verbal suffix *-i* in some varieties and contexts. Last but not least, the *R*-blocking effects for stem-vowel metaphony in the verb *marr*: *merr* in the 2PL form (*merrni*) point out to and provide additional evidence for the [A]-eating behaviour of the 2PL suffix. However, as only the material that is linked to the phonological word may be pronounced, these floating segments, as well as the elements [I] and [A], attracted to these suffixes, remain uninterpreted for most of the time in the standard variety, which is what gives the Albanian verbal umlaut the impression of opaqueness and irregularity.

At the same time, the seemingly ‘morphomic’ pattern in the Albanian umlauting verbs paradigm finds a regular phonological solution. Although it may look like it at the first glance, there is in fact no ‘morpheme’ in the distribution of stem allomorphs in Albanian verbs, in the sense of a ‘purely morphological’ pattern that eludes phonological explanation. On the contrary, a strictly modular, Item-and-Arrangements-based phonological explanation for this particular ‘morphomic’-like distribution is proven to be possible using ET, within

a model of language structure based on attraction and repulsion between elements, as advocated for by Magnetic Grammar.

The analysis pursued here for Albanian, as a corollary, also corroborates several other independently noted phenomena in phonology. For instance, it was shown that strong elements, such as elements that are headed, are more resilient to phonological processes and may defy magnetic forces of other elements. Second, glides seem to pattern with vowels, as in the verb *merrni* (§2.3.1). The backing property of *h* (Backley, Nasukawa 2016), as well as the labio-velar hypothesis (Backley, Nasukawa 2009; Ulfsbjorninn 2021), are corroborated in Albanian by the lexical class of inchoatives in **sk* (§2.3.2). At the same time, this analysis supports a distinction between the element [B], for labiality, and [U], for backness (Scheer 1999). Finally, the specific interaction of element [I]'s magnetic force with nasals, which was merely hinted at for the traditional Class I verbs in Albanian, certainly merits further research.

3 Conclusion

In this paper, I have developed an analysis of Albanian verbal morphology, couched in ET (Backley 2011) and based on the central idea of Magnetic Grammar (van Oostendorp, D'Alessandro 2018; D'Alessandro, van Oostendorp 2020), that the structure is organised by language-specific forces of magnetic attraction and repulsion between elements. In particular, I have shown how the representations of verbal suffixes in Albanian, when equipped with the proper magnetic force towards the [I] resp. [A] elements, can easily account for the complex umlauting as well as non-umlauting patterns in the present tense.

The analysis pursued here provides a viable alternative to the traditional, morphological or lexical metaphony-based account, by postulating floating elements and magnetic effects in the inflectional suffixes. In addition to providing a more elegant, unified analysis for various conjugation classes in the language, the approach developed here also has the more general advantage of providing a purely phonological, i.e. strictly modular explanation for all the synchronically attested allomorphy patterns, without the need for resorting to any extra-phonological devices, as is the case in Albanian traditional grammar. In addition, it provides a ready-made solution for the seemingly 'morphomic' distribution of allomorphs in the Albanian present tense paradigm.

Several issues remain open for future research. First of all, I deliberately did not delve too much into the structural makeup of the [A]-eating 2_{PL} present tense suffix *-ni*, as this issue deserves special treatment. Namely, its different behaviour than that of all other verbal

suffixes, which are ‘[l] Eaters’, is unsurprising given its peculiar diachronic origin, as a clitic renewed as a suffix, after the original 2^{PL} suffix *-ī* was lost (cf. Joseph 2010 inter alia). It would be interesting to see whether some of this peculiar history is actually reflected in the synchronic representation and magnetic properties of *-ni*, as well.

Secondly, like Abruzzese, Albanian too features a relatively complex metaphonic alternation in nouns, in the nominal plural formation in particular (cf. Bozhoviq 2021). It may not be unreasonable to try and extend the magnetism-based account developed here to the nominal domain, as well, thus developing a general, unified theory of metaphony in Albanian.

Finally, most of the Albanian verbs that participate in the umlauting alternation in the present tense paradigm also feature further allomorphs, by a process traditionally termed ablaut or apophony, in the aorist stem (e.g. *dal*: *dola* etc.). As some of these patterns actually do trace their origin back to the Proto-Indo-European verbal ablaut—unlike metaphony, which is a younger, language-internal process—it would be quite striking if it turned out that the apophony in Albanian was also phonological, i.e. an active synchronic process. I leave this possibility open for now.

Bibliography

- Backley, P.; Nasukawa, K. (2009). “Representing Labials and Velars: A Single ‘Dark’ Element”. *Phonological Studies*, 12, 3-10
- Backley, P.; Nasukawa, K. (2016). “The Origins of Japanese *h* from an Element-Based Perspective”. *Papers in Historical Phonology*, 1, 269-84. <https://doi.org/10.2218/piphp.1.2016.1703>.
- Backley, P. (2011). *An Introduction to Element Theory*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Backley, P. (2012). “Variation in Element Theory”. *Linguistic Variation*, 12(1), 57-102. <https://doi.org/10.1075/lv.12.1.03bac>.
- Backley, P. (2017). “Headedness in Element Theory: The Case for Multiple Heads”. *Glossa: A Journal of General Linguistics*, 2(1), 89. <https://doi.org/10.5334/gjgl.463>.
- Backley, P. (2021). “Elements and Structural Head-Dependency”. Bendjaballah, S.; Tifrit, A.; Voeltzel, L. (eds), *Perspectives on Element Theory*. Berlin: De Gruyter.
- Beci, B. (2005). *Gramatika e gjuhës shqipe*. Shkup/Prishtinë/Tiranë: Logos-A.
- Botma, E.D. (2004). *Phonological Aspects of Nasality: An Element-Based Dependency Approach*. Utrecht: LOT Publications.
- Bozhoviq, G. (2021). “From Number Cycle to Split Plurality and Back in Albanian”. *Balcania et Slavia*, 1(2), 157-80. <https://doi.org/10.30687/BES/0/2021/02/001>.
- Božović, Đ. (2015). “Fonološko-gramatički interfejs slogovnog akcenta”. *Analifilološkog fakulteta*, 27(2), 369-401. <https://doi.org/10.18485/analiff.2015.27.2.20>.
- Buchholz, O.; Fiedler, W. (1987). *Albanische Grammatik*. Leipzig: Verlag Enzyklopädie.

- Cavirani, E.; Vanden Wyngaerd, G. (2016). "A Representational Analysis of Czech Palatalisation". *Phonology*, 43(e10). <https://doi.org/10.1017/S0952675726100347>.
- D'Alessandro, R.; van Oostendorp, M. (2016). "Abruzzese Metaphony and the |A| Eater". Torres-Tamarit, F.; Linke, K.; van Oostendorp, M. (eds), *Approaches to Metaphony in the Languages of Italy*. Berlin: De Gruyter, 349-68.
- D'Alessandro, R.; van Oostendorp, M. (2020). "Language Variation and Functional Heads. Magnetic Grammar". *Linguistic Analysis*, 42(3-4), 405-39.
- Demiraj, S. (2002). "Folja". *Gramatika e gjuhës shqipe, Vëllimi I: Morfologjia*. Tiranë: Akademia e Shkencave e Shqipërisë, 259-355.
- Gjinari, J.; Shkurtaj, G. (2003). *Dialektologji*. Tiranë: Universiteti i Tiranës.
- Joseph, B.D. (2010). "Revisiting the Origin of the Albanian 2pl. Verbal Ending -ni". Kim, R.; Oettinger, N.; Rieken, E.; Weiss, M. (eds), *Ex Anatolia Lux: Anatolian and Indo-European Studies in Honor of H. Craig Melchert on the Occasion of His Sixty-fifth Birthday*. Ann Arbor: Beech Stave Press, 180-3.
- Maiden, M. (2018). *The Romance Verb: Morphomic Structure and Diachrony*. Oxford: Oxford University Press.
- Newmark, L.; Hubbard, P.; Prifti, P. (1982). *Standard Albanian: A Reference Grammar for Students*. Stanford: Stanford University Press.
- Orel, V. (2000). *A Concise Historical Grammar of the Albanian Language: Reconstruction of Proto-Albanian*. Leiden/Boston/Köln: Brill.
- Rix, H. et al. (2001). *Lexikon der indogermanischen Verben: Die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen*. 2nd ed. Wiesbaden: Reichert.
- Scheer, T. (1999). "A Theory of Consonantal Interaction". *Folia Linguistica*, 32, 201-37.
- Topalli, K. (2007). *Fonetika historike e gjuhës shqipe*. Tiranë: Dituria.
- Trommer, J. (2013). "Stress Uniformity in Albanian: Morphological Arguments for Cyclicity". *Linguistic Inquiry*, 44, 109-43.
- Ulf sbjorninn, S. (2021) "Labiovelars and the Labial-Velar Hypothesis: Phonological Headedness in Bare Element Geometry". *Glossa: A Journal of General Linguistics*, 6(1), 111. <https://doi.org/10.16995/glossa.5718>.
- van Oostendorp, M.; D'Alessandro, R. (2018). "Metaphony as Magnetism". Grimaldi, M.; Lai, R.; Franco, L.; Baldi, B. (eds), *Structuring Variation in Romance Linguistics and Beyond*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Zdziebko, S. (2023). "Optimal Place Specification, Element Headedness and Surface Velar Palatalization in Polish". *The Linguistic Review*, 40(1), 131-71. <https://doi.org/10.1515/tlr-2022-2108>.
- Zdziebko, S. (2025). "Affricate Palatalization in Polish: An Autosegmental Account of a Stem-specific Change". *Studies in Polish Linguistics*, 20(4), 171-204. <https://doi.org/10.4467/23005920SPL.25.008.22899>.

“Nynešnie moi soparkniki, sokurortniki, sostakanniki” Productivity of the Russian Derivational Construction [so+X-nik] in Nonce Nouns

Valentina Benigni

Università degli Studi Roma Tre, Italia

Abstract This article investigates the productivity of the Russian derivational construction [so-X-nik] in the formation of nonce nouns. Adopting a constructionist perspective and a corpus-based approach, the study analyzes data from the Russian Trends corpus, a web-based monitoring corpus of journalistic texts, and the media subcorpus of the Russian National Corpus, focusing on the co-participative and deictic semantics of the pattern. The findings show that, beyond lexicalized forms (e.g. *sotrudnik* ‘collaborator’, *sovremennik* ‘contemporary’), the construction remains productive in creating low-frequency and occasional formations whose interpretation depends on contextual anchoring and shared knowledge. Particular attention is paid to plural marking in the formation of ad hoc categories and to the construction’s productive use in wordplay and expressive strategies in contemporary journalistic discourse.

Keywords Russian derivational morphology. Potential productivity. Nonce nouns. Co-participative meaning. Deictic morphology. Ad hoc categorization. Construction Grammar.

Summary 1 Introduction. – 2 Deictic Derivatives. – 3 Theoretical Background. – 4 Methodology and Data. – 5 Concluding Remarks.

Peer review

Submitted 2026-01-08
Accepted 2026-07-26
Published 2026-10-14

Open access

© 2026 Benigni | © 4.0

DOI 10.30687/BES/2785-3187/2026/01/002

1 Introduction

The Russian derivational pattern [so-X-nik] expresses co-participation through deixis, denoting an individual who is jointly involved, together with another participant (the reference point), in the event, activity, or situation encoded by the lexical base X. Canonical formations such as *so-vremen-nik* ‘contemporary’ and *so-trud-nik* ‘collaborator’ coexist with low-frequency and occasional nonce formations, illustrating the construction’s potential for creative extension. This is exemplified in (1), where a series of ad hoc derivatives (Benigni 2018) are used to denote context-bound groupings:

- (1) *Vpročem, požaluj, ved’ ne oni menja na nego segodnja vdochnovili, a nynešnie moi soparkniki, sokurortniki, sostakanniki.* (RNC,¹ N. Ju. Ustrjalov, *Dnevnik*, 1936)

‘However, it seems that it was not they who inspired me today, but rather my present co-park-goers, co-resort-dwellers, and drinking companions.’²

The nonce forms *so-park-nik-i* ‘people frequenting the same park’, *so-kurort-nik-i* ‘people staying at the same resort’, and *so-stakan-nik-i* ‘people drinking together’ instantiate the same derivational schema as entrenched lexemes, extending it beyond the domain of established vocabulary.

Traditional descriptions of Russian word formation classify [so-X-nik] as prefixal-suffixal derivation and focus primarily on established lexical items rather than on productive schematicity (Švedova 1980). From a constructionist perspective, by contrast, [so-X-nik] can be analyzed as a derivational construction – a schematic pairing of form and meaning whose productivity emerges from usage and is observable in both entrenched lexemes and context-dependent nonce formations (Goldberg 2006; Booij 2010). The availability of large electronic corpora now makes it possible to assess this productivity empirically.

Against this background, the paper aims (i) to model the deictic mechanism underlying referent identification in [so-X-nik] derivatives, (ii) to assess the construction’s productivity in contemporary Russian, and (iii) to identify recurrent tendencies in nonce noun formation.

The paper is organized as follows. Section 2 reviews the treatment of the pattern in Russian derivational morphology (§2.1), with particular attention to co-participative meaning and its deictic dimension (§2.2). Section 3 outlines the Construction Grammar framework. Section 4 presents a usage-based analysis based on the

¹ Russian National Corpus.

² Unless otherwise stated, all translations are by the Author.

Russian Trends (RT) corpus (§4.1) and the media subcorpus of the RNC (§4.2), with special attention to hapax legomena, contextual anchoring, and wordplay. Section 5 offers concluding remarks.

2 Deictic Derivatives

2.1 Previous Research

From a historical perspective, the model [*so-X-nik*] is often described as a calque from classical languages. For instance, the canonical form *sovremennik* ‘contemporary’ is glossed in Vasmer’s etymological dictionary (Vasmer, n.d.) as a calque of Latin *synchronus* or Ancient Greek *synchronos*.

Traditionally, formations of this type have been analyzed as a ‘prefixal-suffixal word-formation type’ (prefiksals’no-suffiksals’nyj sposob slovoobrazovanija). Šanskij, Tichonov (1987, 67) also introduced the notion of ‘circumfix’, emphasizing that the comitative prefix *so-* and the agentive suffix *-nik* are attached simultaneously to the lexical base, forming a single structural frame.

While Zemskaia (2009, 82) considers prefixal-suffixal noun formation only weakly productive in contemporary Russian, the reference grammar commonly known as *Grammatika-80* (Švedova 1980, 232, §524) nevertheless lists the circumfix *so...nik* among productive noun-forming patterns, citing items such as *sputnik* ‘companion, satellite’ and *sobutyl’nik* ‘drinking buddy’. Lexicographic sources further confirm the productivity of the model and its feminine counterpart *so...nica*, as illustrated by the gender pairs *soklassnik* (M) / *soklassnica* (F), both ‘classmate’, and *sokursnik* (M) / *sokursnica* (F), both ‘fellow student’ (Efremova 2000).

Recent developments are surveyed by Mineeva (2015), who analyzes prefixal-suffixal agentive formations from the past fifty years using neologism dictionaries, the RNC, and media sources. She identifies a range of co-participative derivatives with *so-*, distinguishing between noun-based formations (e.g. *so-klass-nik* ‘classmate’, *so-kafedr-ennik* ‘co-chair’ (academic), *so-kamern-ica* ‘female cellmate’, *so-postel’-ščik* ‘bedfellow’) and verb-based formations (e.g. *so-del-ec* ‘co-owner’, *so-duma-tel’* ‘co-thinker’, i.e. one who collaborates in thought processes).

2.2 Co-participative Function

Independently of the lexical base and the specific suffix attached to it, *so-* derivatives encode co-participation and joint involvement: an animate referent (in this case study marked by the suffix *-nik*)

is defined by sharing – via the comitative prefix *so-* – the event, place, activity, object, time span, or quality denoted by the base *X* with another participant. These formations are inherently deictic, since the reference point – the co-participant with respect to whom the referent is identified – is not morphologically expressed. The interpretation of the derivative therefore relies on relational anchoring to an implicit participant, recoverable through shared knowledge in well-established forms or through contextual cues in nonce formations.

So- co-participative derivatives belong to a broader class of deictic nouns that identify an animate referent in relation to another animate participant serving as a reference point. This deictic family also includes formations with other prefixes, such as *za-X-nik* and *pod-X-nik*, illustrated by *zapplečnik* (colloquial) ‘trainee who learns by observing another person at work’ (lit. ‘person positioned behind [another person’s] shoulder’) and *podkablučnik* (humorous) ‘henpecked man’ (lit. ‘man under [a woman’s] heel’).

From a frame-semantic perspective (Fillmore 1982), these deictic derivatives evoke relational frames in which the referent is profiled against an implicit but semantically salient reference point. In *so-*derivatives, this reference point corresponds to a co-participant in a shared event or situation, activating a co-participative frame. By contrast, in *zapplečnik* and *podkablučnik* the reference point is construed spatially as a figure of metaphorical proximity or dominance. In all cases, the reference point remains unexpressed but is crucial for the interpretation of the derivative, confirming the fundamentally relational and deictic nature of these constructions.

3 Theoretical Background

This study adopts Construction Grammar (CxG) as its primary theoretical framework, treating derivational patterns as conventionalized pairings of form and meaning that emerge from usage and are stored in speakers’ linguistic knowledge. From this perspective, formations following the [*so-X-nik*] pattern are not merely the mechanical outcome of concatenative derivation, but instantiate a constructional schema that licenses both entrenched lexical items and context-dependent nonce formations.

In CxG terms, the [*so-X-nik*] pattern can be represented as a partially specified morphological template with an open slot *X*. The construction combines the comitative prefix *so-* with the nominalizing suffix *-nik*, yielding nouns that denote animate human referents who stand in a relation of co-participation or shared reference with another participant with respect to *X*.

The construction can be schematized as follows, capturing the abstract pairing of form and meaning:

Form: [so-X-nik]_N

Meaning: <person who shares X with another participant (implicit reference point)>

In the data examined here, the X slot is overwhelmingly filled by nominal bases (with only marginal exceptions involving adjectival stems), most commonly denoting groups (e.g. *klass* > *so-klass-nik* ‘classmate’), activities (e.g. *trud* > *so-trud-nik* ‘collaborator’), places (e.g. *kamera* > *so-kamer-nik* ‘cellmate’), and abstract concepts (e.g. *vremja* ‘time’ > *so-vremen-nik* ‘contemporary’).

Metonymic extensions are also common, as in *so-butyl’-nik* ‘drinking buddy’, where the object *butylka* ‘bottle’ stands for co-participation in a drinking activity, and in *so-par-nik* ‘sauna buddy’, where the base *par* ‘steam’ evokes the shared sauna-bathing context.

Thus, at a lower level of abstraction, the construction can be specified by the following subschema:

Form: [so-N_[group/activity/place/object/other]-nik]_N

Meaning: <person who shares something (typically an activity, a place, or group membership) with another participant (implicit reference point)>

This subschema licenses both highly entrenched lexical items and low-frequency formations (e.g. *so-klan-nik* ‘clanmate’ < *klan* ‘clan’), and can extend to proper names (e.g. *so-zastekol’-nik* ‘fellow participant in the reality show *Za steklom*’).

The CxG approach also captures the deictic nature of [so+N-nik] derivatives. The construction presupposes an implicit reference point – another participant who shares N with the referent – thereby yielding a relational and indexical interpretation.

A salient property of the construction is its strong preference for plural marking, especially in nonce formations, as illustrated in (1). Pluralization of the pattern serves as a means of referring to non-lexicalized, occasional groups defined by the shared involvement of their participants in a salient situation or activity. At the same time, it constitutes a useful device for synthetic denomination, as it allows speakers to simplify the construction of referents by avoiding more complex denominations.

The plural pattern can thus be treated as a constructional extension of the matrix schema:

Form: [so-N_[group/activity/place/object/other]-nik-i]_{N,pl}

Meaning: <set of individuals grouped by shared, often occasional, co-participation in a group, activity, place, or situational frame involving N>

In sum, the CxG framework makes it possible to represent the [so-X-nik] construction as a network of hierarchically related sub-schemata within the broader family of deictic constructions, rather than as the output of a concatenative derivational rule.

More generally, a constructional approach allows for the integration of pragmatic and discourse-related factors into the analysis of the pattern, accounting for the relatively high frequency of [so+N-nik] occasionalisms in discourse genres that favor wordplay, creativity, and expressivity over strict lexical precision and terminological stability, such as journalistic writing and computer-mediated communication (CMC).

While this study does not explicitly adopt Relevance Theory (Sperber, Wilson 1995) as a formal framework, it shares its central assumption that context plays a crucial role in meaning construction. In particular, the interpretation of nonce [so-N-nik] formations depends on the interaction between schematic constructional meaning and contextual information, including shared frames, encyclopedic knowledge, pragmatic expectations, and the inferential identification of the implicit reference point. The referent is profiled against an unexpressed co-participant, whose identification is guided by discourse context, both linguistic and extra-linguistic, as well as by textual cues such as quotation marks, italics, or graphic highlighting, which frequently signal the non-lexicalized status of the derivative.

The nonce form *soplanetniki*, for instance, illustrates the inferential nature of this process. Although compositionally interpretable as ‘people living on the same planet’, the form is contextually interpreted as referring specifically to the Earth, yielding the enriched interpretation ‘fellow Earth-dwellers’. This interpretation is reinforced by its contrast with *inoplanetjane* ‘extraterrestrials’ in the article’s headline *Inoplanetiane ili soplanetniki?* (‘Extraterrestrials or fellow Earth-dwellers?’) (RNC, *Argumenty i fakty*, 1989.09.16). This example shows that identifying the intended referent depends on contextual inference rather than on constructional semantics alone.

4 Methodology and Data

The study adopts a corpus-based methodology within the framework of CxG, treating the [so-X-nik] pattern as a constructional schema whose productivity can be empirically assessed through usage data. The analysis targets both entrenched lexical items and low-frequency or occasional formations, which are central to a constructional view of derivational productivity.

Two datasets were compiled from two different corpora. The first was extracted via Sketch Engine from the RT corpus, a large monitoring corpus updated daily from RSS feeds of news articles and

other media sources, growing by approximately 3-4 million words per day. As a newsfeed-based corpus, RT is particularly sensitive to occasional and nonce formations, since media discourse is inherently oriented toward expressivity, evaluation, and stance-taking. These communicative goals favor the use of ad hoc lexical formations that create context-dependent labels and encode shared frames and attitudes with high semantic density. The results based on this dataset are discussed in §4.1.

The second dataset was extracted from the national media subcorpus of the RNC. It serves as a complementary resource, allowing the observation of [*so-X-nik*] formations in more traditional and editorially stabilized media discourse, and is especially useful for identifying entrenched items and comparing their distribution over time, given the corpus's longer temporal coverage.

Corpus queries targeted noun lemmas matching the formal pattern [*so-X-nik*]. All automatically retrieved items were manually filtered to exclude typographical errors, OCR noise, and formally similar but structurally unrelated forms that do not instantiate the construction under investigation.

To assess the productivity of the [*so-X-nik*] construction, the study follows quantitative approaches to morphological productivity developed in corpus linguistics (Baayen 2009). Productivity is evaluated not only in terms of overall type or token frequency, but primarily through the distribution of low-frequency types. Special attention is therefore paid to *hapax legomena*³ and low-frequency formations, which are taken to reflect speakers' ability to access the abstract constructional schema and to exploit it for the creation of new lexical items.

Following Baayen (2009, 902), the 'potential productivity' of a pattern can be estimated as the ratio between the number of hapax legomena and the total number of tokens in a corpus, capturing the growth rate of the lexical inventory associated with that pattern. From this perspective, a construction characterized by a small set of highly frequent, entrenched types alongside a large number of low-frequency or single-occurrence forms can be considered potentially productive, as it remains open to creative extension.

This quantitative approach is fully compatible with a CxG framework, where productivity is understood as a usage-based property of constructions. Low-frequency and occasional formations are therefore not treated as peripheral phenomena, but as crucial

3 While nonce nouns constitute a semantic category referring to context-dependent formations, *hapax legomena* are used here as a corpus-based proxy for such formations, providing empirical evidence of the construction's availability for occasional coinage.

evidence for the schematic abstraction of the [so-X-nik] pattern and for its role as a productive linguistic resource in discourse.

4.1 Corpus Analysis: Case Study 1 (*Russian Trends*)

The CQL query [lemma=“s.*nik” & tag=“N.*”] was conducted on 30 December 2025 to retrieve lexical realizations matching the formal pattern [so-X-nik] from the RT corpus, which at the time of the query contained approximately 3,3 billion tokens. Manual filtering excluded typos (for instance, *sobesednik* ‘interlocutor’ occurs in over 20 misspellings such as *sobesedenik*, *sobsednik*, *sobednik*), formally similar but structurally unrelated items (e.g. *sovetnik* ‘counsellor’ < *sovet* ‘advice’), and hyphenated compounds containing one element belonging to the pattern (e.g., *sotrudnik-kontraktinik* ‘contract employee’).

The final dataset comprises 33 relevant types and includes both highly frequent, entrenched forms,⁴ such as *sotrudnik* ‘collaborator’ (1.639.948 tokens, 496,88 instances per million - ipm), *sobesednik* ‘interlocutor’ (220.787 tokens, 66,89 ipm), and *sootečestvennik* ‘compatriot’ (51.860 tokens, 15,71 ipm), and low-frequency items with values below 0,002 ipm, including *solagernik* ‘fellow inmate of a labor camp’ (5 tokens), *somolitvennik* ‘prayer companion’ (4 tokens), and *sonaslednik* ‘co-heir’ (3 tokens).

In addition, the dataset contains 7 hapax legomena: *sopodel’nik* ‘accomplice (of a thief)’, *soslužebnik* ‘service colleague’, *sokelejnik* ‘monastic cellmate’, *sootrijadnik* ‘member of the same unit’, *sodel’nik* ‘accomplice’, *sorazmernik* ‘entity of the same size’, and *sosovetnik* ‘second adviser’. Two of these (*sootrijadnik* and *sodel’nik*) were attested very recently in the corpus, in June and November 2025 respectively. As noted by Baayen (2009, 902), the presence of hapax legomena provides direct evidence of the pattern’s potential productivity, showing that the [so-X-nik] construction remains available for creative formation of new lexical items beyond entrenched forms.

The following table summarizes the dataset distribution in terms of ipm (concordance size: 2.717.865):

⁴ Although highly entrenched nouns such as *sputnik* ‘companion; satellite’ and *sverstnik* ‘peer, person of the same age’ are diachronically related to patterns of co-participative derivation, the prefix *s-* in these forms is synchronically non-segmentable and non-productive. From a synchronic perspective, therefore, *s-* cannot be analyzed as an allomorph of the productive prefix *so-*. In line with a usage-based and synchronically oriented CxG approach, these forms do not instantiate the construction under investigation and are consequently excluded from both datasets created for the analysis of the [so-X-nik] pattern.

- $50 < \text{ipm} \leq 600$: *sotrudnik* ‘collaborator’ (496,88), *sobesednik* ‘interlocutor’ (66,89)
- $10 < \text{ipm} \leq 50$: *sootečestvennik* ‘compatriot’ (15,71)
- $5 < \text{ipm} \leq 10$: *soratinik* ‘comrade, ally’ (8,86), *soobščnik* ‘accomplice, conspirator’ (7,13), *součastnik* ‘co-participant’ (7,11), *sovremennik* ‘contemporary’ (5,41)
- $0,01 \leq \text{ipm} \leq 5$: *sobutyl’nik* ‘drinking buddy’ (1,43), *soplemennik* ‘tribesman’ (0,47), *sokursnik* ‘course mate’ (0,36), *sokamernik* ‘cellmate’ (0,09), *součenik* ‘classmate’ (0,04), *sokomandnik* ‘teammate’ (0,02), *sotrapeznik* ‘fellow diner’ (0,01)
- $\text{ipm} < 0,01$: *sosobstvennik* ‘co-owner’, *soplatformennik* ‘member of the same political platform’, *solagernik* ‘fellow camp inmate’, *somolitvennik* ‘fellow worshipper’, *sonaslednik* ‘co-heir’, *sorabotnik* ‘co-worker’, *soimennik* ‘namesake’, *soklassnik* ‘classmate’, *sopričastnik* ‘participant; person sharing involvement’, *soposrednik* ‘co-mediator’, *sovernik* ‘coreligionist; fellow believer’, *soklubnik* ‘fellow club member’, *sopodel’nik* ‘partner in crime’, *soslužebnik* ‘colleague; fellow employee’, *sokelejniki* ‘fellow cell-dweller (monastic cell)’, *sootrjadnik* ‘member of the same squad/detachment’, *sodel’nik* ‘accomplice’, *sorazmernik* ‘entity of equal measure’, *sosovetnik* ‘co-counsellor; fellow adviser’.

Forms in which the prefix *so-* combines directly with a base already suffixed with *-nik*, such as *so-rabotnik* ‘co-worker’ or *so-učastnik* ‘co-participant’, were retained. Although these formations do not constitute simultaneous prefix-suffix derivation from a strictly concatenative perspective, they fully conform to the co-participative construction from a CxG perspective.

These forms reveal that prefix and suffix are hierarchically organized, reflecting semantic and processing priorities. The nominalizing suffix *-nik*, which introduces an animate participant, occupies a higher rank than the co-participative prefix *so-*, whose function is to relate this participant – whether lexicalized or newly coined – to an implicit reference point.

This aligns with the psycholinguistic ‘complexity-based ordering model’ (Hay, Plag 2004; Baayen 2009, 915), which predicts that more productive and salient affixes tend to follow less productive ones. From this perspective, *-nik* functions as the core categorial operator, while *so-* operates deictically, anchoring the referent to its reference point.

Empirical support comes from the nonce formation *so-podel’nik*, attested in the corpus in November 2023. The base noun *podel’nik* already denotes an ‘accomplice’, i.e. a participant in a shared criminal act; the addition of *so-* is therefore referentially redundant and

constitutes a clear case of morphological ‘overcoding’,⁵ as it does not add new information. Nonetheless, its attestation demonstrates the ongoing productivity of the [so-X-nik] construction. The form appears in a polemical text predicting geopolitical collapse in Europe, evoking socio-political chaos that foregrounds criminal behavior:

- (2) *Odnako Borrelli smojutsja v svoë vremja na tëplye mestečki i sytnye pensii, a žiteli Evropy tam i ostanutsja ni s čem na razgrablennoj i razbomblennoj territorii. Gromče vsego na Vostoke – “Ubili, ubili!!!” – kričit **sopodel’nik** vora, kotoryj ili uže ukrad, ili vot-vot ukradët. V panike, smute, chaose i nerazberiche tolpy vor ili staja vorov čuvstvujut sebja, kak ryba v vode.* (RT, news2.ru)

‘Meanwhile, the Borrells will in due time slip away into comfortable positions and generous pensions, while the inhabitants of Europe will be left with nothing, on looted and bombed-out territory. Loudest in the East – “They’ve killed us, they’ve killed us!!!” – shouts the accomplice of a thief, who has either already stolen or is about to steal. In panic, turmoil, chaos, and mass confusion, a thief or a pack of thieves feels like a fish in water.’

Here, co-participation is already lexically encoded in the base noun and ensured by the context. The redundancy is therefore not accidental but pragmatically motivated. The surrounding text is saturated with elements activating a THEFT / CRIMINALITY frame: the reference point vor ‘thief’ is explicitly named, predicates such as ukrast’ ‘to steal’ and razgrabit’ ‘to plunder’ reinforce systematic wrongdoing, and nouns like panika ‘panic’, smuta ‘turmoil’, chaos ‘chaos’, and nerazbericha ‘confusion’ construct a background of disorder. Within this frame, sopodel’nik does not primarily serve an identificational function; rather, it is expressive and evaluative, foregrounding complicity as a morally salient, negatively charged property. In this sense, redundancy functions as a discourse strategy, whereby morphological ‘overcoding’ supports subjective evaluation rather than referential specification.

More generally, nonce derivatives rely heavily on contextual cues for interpretation. Their meaning is strongly context-driven, as illustrated by *sorazmernik* (< *razmer* ‘size’), used in automotive media discourse to denote a vehicle of comparable dimensions. Out of context, nothing in the form of the derivative signals the relational anchoring to the reference point.

⁵ The notion of ‘overcoding’ captures instances where different linguistic means encode more information than is strictly necessary for referential identification, often for pragmatic or evaluative effect. In the domain of discourse based word formation, pervasive overcoding has been observed in cases where multiple means of categorization co-occur to encode non-lexicalized concepts (e.g., in rhyming and imitative co-compounds in Russian; Alexandrova, Benigni 2021).

- (3) *Forthing T5 – èto “sorazmernik” Geely Atlas Pro. [...] Avtomobil’ vydelaetsja bolee tradicionnym dizajnom, v otlitje ot rodstvennogo krossovera T5 Evo.* (RT, motorpage.ru)

‘The Forthing T5 is a size counterpart of the Geely Atlas Pro. [...] The car stands out for a more traditional design, unlike its related crossover, the T5 Evo.’

This is the only instance in the dataset where the derivative denotes a non-animate entity. It can be analyzed as a metonymic extension of the [so-X-nik] pattern, shifting from denoting <a person who shares X with another participant (implicit reference point)> to <an object that shares X with another object (implicit reference point)>. This illustrates the versatility of the construction, particularly for creating ad hoc, context-dependent concepts, a function also signaled graphically by the use of quotation marks.

4.2 Corpus Analysis: Case Study 2 (*National Media Subcorpus of RNC*)

A lexical query *so*nik* combined with the grammatical tag S (noun) was conducted on 30 December 2025 to retrieve lexical realizations of the [so-X-nik] pattern from the national media subcorpus of the RNC. As in the RT case study, the results were manually filtered to exclude typos, formally similar but structurally unrelated items, and hyphenated compounds containing an element belonging to the construction.

After filtering, the dataset comprises 67 types instantiating the [so-X-nik] construction. This result is noteworthy given that the RNC media subcorpus is substantially smaller than RT (approximately 818 million tokens, versus 3,3 billion). The larger number of types can plausibly be explained by the diachronic depth of the RNC media subcorpus: because it includes media texts published between 1983 and 2021, it is more likely to capture low-frequency or occasional formations that may not emerge in a synchronic monitoring corpus. The distribution of types by ipm frequency is summarized below:

- 50 < ipm ≤ 600: *sotrudnik* ‘co-worker; colleague’ (574,55), *sobesednik* ‘interlocutor’ (103,43)
- 10 < ipm ≤ 50: *sootečestvennik* ‘compatriot’ (34,44), *soratnik* ‘comrade; ally’ (24,18), *sovremennik* ‘contemporary’ (13,34), *soobščnik* ‘accomplice; conspirator’ (11,31)
- 5 < ipm ≤ 10: *součastnik* ‘co-participant’ (5,66)
- 0,01 ≤ ipm ≤ 5: *sokamernik* ‘cellmate’ (1,72), *soplemennik* ‘fellow tribesman’ (1,30), *sobutyl’nik* ‘drinking buddy’ (1,04), *sokursnik* ‘course mate’ (0,96), *součenik* ‘classmate’ (0,25), *sosobstvennik* ‘co-owner’ (0,13), *sotrapeznik* ‘fellow diner’

(0,07), sorabotnik ‘co-worker’ (0,03), solagernik ‘fellow camp inmate’ (0,03), soklubnik ‘clubmate; fellow club member’ (0,02), soplatformennik ‘member of the same political platform’ (0,02), soposrednik ‘co-mediator’ (0,02)

- $ipm < 0,01$: sogruppnik ‘member of the same group’, sokomandnik ‘teammate’, soimennik ‘namesake’, sovoprosnik ‘person participating in the same interview’, souznik ‘fellow prisoner’, sonaslednik ‘co-heir’, sopostnik ‘fellow faster’, sopričastnik ‘participant; one sharing involvement’, somolitvennik ‘co-worshipper’, sopalatnik ‘roommate; ward mate’, soplanetnik ‘fellow inhabitant of the same planet’, sočuvstvennik ‘sympathizer’, soprocessnik ‘person involved in the same legal proceedings’, soavtobusnik ‘fellow bus passenger’, sodel’nik ‘associate in the same undertaking’, soartnik ‘fellow artist’, sobločnik ‘fellow alliance member’, sovinovnik ‘person sharing the guilt’, sovospitannik ‘fellow pupil’, sodružebnik ‘person sharing a bond of friendship’, soduchovnik ‘spiritual companion’, sozastekol’nik ‘co-participant in the reality show Behind the Glass’, sokvartetnik ‘fellow quartet member’, soklannik ‘fellow clan member’, soknižnik ‘fellow contributor to the same book’, sokontinentnik ‘person from the same continent’, sokortnik ‘fellow tennis player’, somogil’nik ‘person sharing the same grave’, somodul’nik ‘person sharing the same module’, soobednik ‘person sharing a meal’, sootvetstvennik ‘person sharing responsibility’, soparnik ‘sauna buddy’, sopatentnik ‘co-patentee’, sopečal’nik ‘person sharing another’s sorrow’, sopodel’nik ‘person involved in the same affair’, sopokolennik ‘person of the same generation’, sopostel’nik ‘person sharing the same bed’, soputešestvennik ‘fellow traveller’, soraDnik ‘fellow supporter’ (playful spelling of soratnik), sorejsnik ‘fellow passenger on the same flight’, sotainnik ‘person sharing a divine mystery’, sotrampeznik ‘Trump supporter’ (playful blend based on sotrapeznik ‘fellow diner’), soumyšlennik ‘person sharing the same intent’, sofuršetnik ‘person attending the same reception’, soèkipažnik ‘crewmate’, soèlitnik ‘person belonging to the same elite’, soètažnik ‘person on the same floor’, sojazyčnik ‘person sharing the same language’.

As expected, the high-frequency and entrenched items largely overlap with those attested in the RT corpus. The main differences concern low-frequency forms and hapax legomena, which amount to 32 items in the RNC dataset and constitute the primary focus of the qualitative analysis in the following section.

4.2.1 Hapax Legomena: Contextual Anchoring and Wordplay

The qualitative analysis of single-occurrence forms confirms that the [so-X-nik] pattern is not merely a closed set of lexicalized items, but an active constructional schema that speakers exploit to create ad hoc denominations. In line with Baayen (2009, 902), single-occurrence forms provide direct evidence of speakers' access to abstract derivational schemata, making them particularly relevant for assessing the pattern's productive potential.

The low-frequency and hapax forms attested in the RNC cluster into coherent semantic classes according to the X component, which introduces the frame within which the co-participative relation is construed:

- member of the same group or institution: *sogruppnik* 'member of the same group' < *gruppa* 'group', *soklannik* 'member of the same clan' < *klan* 'clan', *soklubnik* 'clubmate' < *klub* 'club', *sokvartetnik* 'member of the same quartet' < *kvartet* 'quartet', *soèkipažnik* 'member of the same crew' < *èkipaž* 'crew', *soèlitnik* 'member of the same elite' < *èlit* 'elite';
- person co-located in the same place or spatial setting: *soètažnik* 'person sharing the same floor' < *ètaž* 'floor', *somogil'nik* 'person buried in the same grave' < *mogila* 'grave', *sopostel'nik* 'bedfellow' < *postel* 'bed', *sokortnik* 'fellow tennis player; person sharing the same tennis court' < *kort* 'tennis court';
- person participating in the same activity or event: *soobednik* 'person sharing a meal' < *obed* 'meal', *sofuršetnik* 'participant in the same buffet' < *furšet* 'buffet';
- person showing empathic, moral or ideological alignment: *sopečal'nik* 'co-sufferer, companion in sorrow' < *pečal* 'grief, sorrow', *soumyšlennik* 'person sharing the same intent' < *umysel* '(criminal) intent'.

Most of these formations are highly compositional and readily interpretable by analogy with entrenched members of the same semantic classes. Thus, *sotrapeznik* 'fellow diner' provides a model for nonce formations such as *sofuršetnik* 'buffet companion' or *soobednik* 'dining companion'.

More generally, however, interpretation is also supported by contextual anchoring. In (4), the surrounding cotext activates both the relevant frame (*trapeza* 'meal') and the constructional template (through the entrenched form *sobesednik* 'interlocutor'), while an explicit reformulation of *soobednik* (*to est' soedok različnyh jastv* 'that is, a person who shares a variety of dishes') removes any residual ambiguity.

- (4) *Parallel'no s ich razgovorom šla trapeza, v kotoroj Chottabyč vpolne učastvoval ne tol'ko kak **sobesednik**, no i kak **soobednik**, to est' soedok različnyh jastv.* (RNC, Chottabyč — II / Kommersant, 2000-08-13)

‘Parallel to their conversation, there was a meal in which Khotabych participated not only as a conversational partner but also as a dining companion, that is, a person who shares a variety of dishes’

Other nonce formations rely even more heavily on contextual anchoring and shared background knowledge. In (5), *soklannik* ‘fellow clan member’ is interpretable by analogy with more entrenched formations from the SOCIAL GROUP semantic class, such as *sokamernik* ‘cellmate’ or *soklassnik* ‘classmate’. At the same time, its interpretation is supported by the explicit mention of the reference point of the co-participative relation (‘a powerful mafia clan’) and by quotation marks signaling evaluative, occasional usage.

- (5) *Otec nekogda vchodil v moguščestvennyj mafioznyj klan, no potom sdal FBR svoich byvšich “**soklannikov**”.* (RNC, Knižnaja polka: pljažnoe čtivo / Komsomol'skaja pravda, 2005-07-07)

‘The father once belonged to a powerful mafia clan, but turned his former “clanmates” over to the FBI.’

In (6) the form *sozastekol'niki* ‘participants in the reality show *Za steklom* (‘Behind the glass’)’ presupposes familiarity with the title of the television show, which is nonetheless mentioned in the article’s headline. Once again, quotation marks highlight the occasional nature of the word formation:

- (6) *On poočeredno protanceval so vsemi. [...] Žanna očen' staralas', i vposledstvii Maks pri vystavlenii ocenok “**sozastekol'nikam**” osobo otmetil ee sposobnosti.* (RNC, “Za steklom”: Predskazanija Margo / Izvestija, 2001-11-22)

‘He danced in turn with everyone. [...] Zhanna tried her best, and later, when Max graded the “Behind the Glass” participants, he especially highlighted her talent.’

A particularly salient subset of hapax legomena exploits graphic and morphological wordplay. In (7), the nonce formation *SoARTniki* (‘fellow ARTists’) blends the award name *Soratnik* (‘Comrade’) with the capitalized sequence ART, referring to the Art-Strelka cultural centre where the award ceremony takes place.

- (7) *na ArtStrelke v tretij raz vručili premiju “**Soratnik**” **SoARTniki** (to est' sami chudožniki) golosovali za naibolee jarko projavivših sebja za god kolleg.* (RNC, Noč' v muzeje: Tret'jakovku brali šturmom / RIA Novosti, 2008-05-19)

‘at ArtStrelka, the “Soratnik” award was presented for the third time. The SoARTniki (i.e., the artists themselves) voted for colleagues who had distinguished themselves over the past year.’

The formation takes the event setting as its reference point for the co-participative interpretation while simultaneously evoking the award name *Soratnik*, allowing the identification of a complex ad hoc category, namely ‘artists affiliated with the Art-Strelka centre who participate in voting for the “Soratnik” award’. Its interpretation, however, depends on shared contextual knowledge, since its meaning is anchored to this specific discourse setting.

A similar mechanism underlies the nonce noun *sotrampeznik* in (8), a playful designation for a ‘Trump supporter’, which is formed through playful substitution of the segment *-trap-* with the proper name *Tramp* within the entrenched form *sotrapeznik* ‘fellow diner’. Here, the metalinguistic paraphrase (*storonnik Trampa* ‘supporter of Trump’) explicates the wordplay, while the associative link with the meaning ‘fellow diner’ ironically presents ideological support as a form of symbolic commensality – an implication that is largely lost in translation.

- (8) **Sotrampeznik – sotrapeznik** – *storonnik Trampa*. (RNC, *Trampotnja i trampizmy* / *Moskovskij komsomolec*, 2016-10-13)

‘A Trump supporter – a fellow diner – a supporter of Trump.’

A related but structurally revealing case is illustrated by the nonce formation *soraDniki* in (9), which exploits graphic wordplay to evoke the adjective *rad* ‘happy’ within the conventional form *soratniki* ‘comrades; fellow supporters’. The capitalized D invites this secondary reading, whose activation is reinforced by the surrounding cotext, notably the verbal form *raduet* ‘makes happy’. Rather than replacing the conventional reading, the graphic wordplay introduces an additional affective interpretation, yielding ‘supporters exchanging New Year wishes of happiness’, or more compactly, ‘happy fellow supporters’.

- (9) *Pust' raduet sem'ja i druž'ja, rabota tože (chotja by zarplatoj). [...] V obščem, pust' u vsech vezde i vseгда vse budet chorošo, s Novym godom soraDniki!* (RNC, *Čto zagadyvajut futbol'nye bolel'sčiki na Novyj god? Obzor gostevykh klubov rossijskoj Prem'er-ligi* / *Sovetskij sport*, 2012-01-02)

‘Let the family and friends be happy, and work too (at least with the salary). [...] In general, let everything be good for everyone everywhere and always. Happy New Year, happy fellow fans!’

In sum, these examples show that nonce formations instantiating the [so-X-nik] pattern are systematically interpretable through a

combination of constructional analogy and contextual anchoring. Their successful interpretation crucially depends on shared and encyclopedic knowledge, underscoring both the productivity of the pattern and its sensitivity to wordplay.

5 Concluding Remarks

This study has shown that the Russian construction [so-X-nik] constitutes a productive and structurally flexible word-formation pattern, capable of supporting fully lexicalized items, low-frequency derivatives, and nonce formations with strongly context-dependent meanings. Far from being a marginal or residual mechanism, the construction emerges as a robust resource for naming occasional social roles and participant configurations.

From a semantic perspective, the analysis has highlighted the centrality of deictic co-participative meaning, whereby the construction profiles a participant defined through shared involvement in an activity, affiliation, situation, or salient property with respect to an implicit reference point. This meaning proves sufficiently flexible to accommodate a wide range of fillers in the X-slot, including proper-name and phrasal bases, as in the case of *sozastekol'niki* ‘participants in the reality show *Za steklom*’, as well as forms involving graphic reanalysis and wordplay. The discussion of nonce formations has further shown that the construction is particularly sensitive to metonymy, analogy, and wordplay, allowing speakers to exploit formal similarity and contextual cues to generate novel yet interpretable meanings, including expressive ones.

The corpus analysis demonstrates the productive use of the [so-X-nik] construction in media discourse, where the pressure to rapidly and efficiently label new social configurations, ideological alignments, and participant roles is particularly strong. Importantly, the data challenge claims that prefix-suffix noun formation in contemporary Russian is only weakly productive. Instead, [so-X-nik] emerges as a living and creative pattern, especially visible in journalistic texts that allow for elaborated cotexts and pragmatic anchoring, in contrast to the more compressed environments of rapid newsfeeds. The comparison between the two corpora further reveals greater type diversity in the RNC dataset. This difference may plausibly be related both to the broader temporal coverage of the RNC corpus and to the availability of longer textual contexts, which provide richer discursive support for nonce formations than highly compressed newsfeed texts.

At the same time, the study opens several avenues for further research. These include investigating the relationship between the [so-X-nik] construction and alternative co-participative patterns (such as [odno-X-nik], derived through the prefixoid *odno-* ‘the same’), including pairs such as *sokursnik* ~ *odnokursnik*, both denoting ‘a person

studying on the same course’ and treated as synonymous in Russian lexicographic sources. Further research could also examine the role of textual and genre-specific factors in licensing nonce formations. Addressing these issues would further refine our understanding of how derivational morphology interacts with discourse strategies and cognitive operations of meaning construction.

Bibliography

- Alexandrova, A.; Benigni, V. (2021). “Chapter 12. Morphopragmatics of Rhyming and Imitative Co-Compounds in Russian”. Mauri, C.; Fiorentini, I.; Gorla, E. (eds), *Building Categories in Interaction: Linguistic Resources at Work*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 317-54. <https://doi.org/10.1075/slcs.220.12ale>.
- Baayen, R.H. (2009). “Corpus Linguistics in Morphology: Morphological Productivity”. Lüdeling, A.; Kytö, M. (eds), *Corpus Linguistics. An International Handbook*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 899-919. <https://doi.org/10.1515/9783110213881.2.899>.
- Benigni, V. (2018). “Ad hoc Categorization in Russian and Multifunctional General Extenders”. *Folia Linguistica*, 52(S1), 97-123. <https://doi.org/10.1515/flih-2018-0003>.
- Booij, G. (2010). *Construction Morphology*. Oxford: Oxford University Press.
- Efremova, T.F. (2000). *Novyj slovar' russkogo jazyka: Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj* (New Dictionary of the Russian Language: Explanatory and Word-Formation Dictionary). Moskva: Russkij jazyk.
- Fillmore, C.J. (1982). “Frame Semantics”. Linguistic Society of Korea (ed.), *Linguistics in the Morning Calm. Selected Papers from SICOL-1981*. Seoul: Hanshin Pub. Co, 111-37.
- Goldberg, A. (2006). *Constructions at Work*. Oxford: Oxford University Press.
- Hay, J.; Plag, I. (2004). “What Constrains Possible Suffix Combinations? On the Interaction of Grammatical and Processing Restrictions in Derivational Morphology”. *Natural Language & Linguistic Theory*, 22, 565-96. <https://doi.org/10.1023/b:naLa.0000027679.63308.89>.
- Mineeva, Z.I. (2015). “Prefiksāl'no-suffiksāl'naja derivacija novych agentivov” (Prefix-Suffix Derivation of New Agent Nouns). *Vestnik Nižegorodskogo universiteta im. N.I. Lobačevskogo*, (5-6), 338-45.
- Sperber, D.; Wilson, D. (1995). *Relevance: Communication and Cognition*. 2nd ed. Oxford: Blackwell.
- Šanskij, N.M.; Tichonov, A.N. (1987). *Sovremennyj russkij jazyk: Slovoobrazovanie. Morfologija* (Contemporary Russian: Word Formation. Morphology). 2nd ed. Moskva: Prosveščenie.
- Švedova N.J. (ed.) (1980). *Russkaja grammatika. Tom 1: Fonetika. Fonologija. Udarenie. Intonacija. Slovoobrazovanie. Morfologija* (Russian Grammar. Volume 1: Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word Formation. Morphology). Moskva: Nauka.
- Vasmer, M. (n.d.). *Ėtimologičeskij onlajn-slovar' russkogo jazyka* (Online Etymological Dictionary of the Russian Language). <https://lexicography.online/etymology/vasmer/>.
- Zemskaja, E.A. (2009). *Slovoobrazovanie kak dejatel'nost'* (Word Formation as Activity). 4th ed. Moskva: Librokom.

Сопоставительное исследование дискурсивных формул в русском и итальянском языках с применением мультимедийных корпусов

Anna Lentovskaya
Università di Pisa, Italia

Abstract This article examines Russian and Italian discourse formulas using data from multimedia corpora. The study aims to identify the pragmatic and semantic functions of devalorization formulas in Russian and their Italian counterparts. The analysis is conducted within the framework of Construction Grammar and is based on the Pragmaticon, MURCO, Forlitt 3.0, and OPUS corpora. Particular attention is paid to polysemy, pragmatic variation, and the role of context.

Keywords Discourse formulas. Pragmatic constructions. Corpus linguistics. Russian language. Italian language. Contrastive analysis.

Summary 1 Введение. – 2 Теоретические предпосылки. – 3 Девавторизация: *Да ну*. – 4 Девавторизация: *Ну что ты / Figurati*. – 5 Выводы.

1 Введение

Дискурсивные формулы (ДФ) представляют собой устойчивые идиоматические единицы разговорной речи, функционирующие как самостоятельные реплики, выражающие отношение говорящего к содержанию высказывания собеседника. Они не только выполняют коммуникативную функцию, но и служат важным индикатором социокультурных особенностей

Peer review

Submitted 2025-12-12
Accepted 2026-07-27
Published 2026-10-14

Open access

© 2026 Lentovskaya | © 4.0

DOI 10.30687/BES/2785-3187/2026/01/003

взаимодействия. Изучение ДФ в сопоставительном аспекте позволяет выявить, каким образом различные языки реализуют механизмы согласия, протеста, отказа, девалоризации и под.

В лингвистике интерес к подобным единицам связан с развитием Грамматики конструкций (Fillmore, Kay, O'Connor 1988; Fillmore 2008), где ключевым элементом анализа выступает не слово, а устойчивая форма со значением. Особое внимание в рамках этого подхода уделяется slotless-конструкциям – речевым формулам, не содержащим переменных и функционирующим как завершённые акты коммуникации.

В русской лингвистике системное изучение ДФ началось благодаря проекту «Прагматикон», созданному в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Рахилина и др. 2021; Яскевич и др. 2022). В этом корпусе фиксируются более 700 формул, охватывающих основные типы речевых актов (благодарность, извинение, отказ, удивление и др.). Исследовательская группа под руководством Е.В. Рахилиной (Бычкова и др. 2019; Рахилина и др. 2021) продемонстрировала, что эти единицы представляют собой важный пласт языка, находящийся на стыке грамматики и прагматики.

В данной статье анализируются многозначные русские формулы *Ну что ты* и *Да ну*, сопоставляемые с итальянскими формулами-когнатами (*Figurati, Ma dai, Macché, Ma va'* и др.). Основное внимание уделяется их функциональной семантике, контекстуальному варьированию и переводческим соответствиям. Материалом исследования служат мультимедийные корпуса, что позволяет учесть как вербальные, так и невербальные компоненты (интонация, жесты, мимика), сопровождающие употребление формул.

2 Теоретические предпосылки

Отправной точкой нашего исследования стали теория и классификация ДФ в русском языке, разработанные Е.В. Рахилиной с коллегами (Рахилина, Кузнецова 2010), которые, в свою очередь, опирались на положения теории Грамматики конструкций Ч. Филлмора. Конструкции, основные структурные единицы языка, согласно Филлмору (Fillmore, Kay, O'Connor 1988), некомпозициональны (невозможно однозначно предсказать смысл конструкции, исходя только из значения отдельных слов и грамматических связей между ними) и схематичны (конструкции можно использовать, подставляя разные элементы (переменные) в так называемые слоты – структурные части конструкции), ср. пример русской конструкции, состоящей из якоря (*(все) никак не*) и слота *VP-IPfv* в (1) из базы данных «Русский Конструктикон» (Radovan et al. 2021):

- (1) NAME(всё) никак не VP-1pfv – Задача всё никак не решалась.
 DEFINITION (Russian)
 Конструкция обозначает, что какое-либо [действие]_{Action} продолжается долгое время и по-прежнему не заканчивается, несмотря на желание говорящего прекратить или остановить его.
 DEFINITION (English)
 This construction means that some [action]_{Action} has been continuing for a long time and still does not end, despite the speaker's desire to discontinue or stop it.

Особый подкласс неизменяемых конструкций разговорной речи, который Е.В. Рахилина и ее коллеги (Janda et al. 2018) выделили в отдельную группу при анализе данных русского «Конструктикона», был назван *дискурсивными формулами* – в 2021 г. результат этой работы получил отражение в онлайн-корпусе русских дискурсивных формул «Прагматикон» (Яскевич и др. 2022). Речь идет о неоднословных конструкциях без переменных (*slotless*), репликах-реакциях на предшествующий дискурс (*Как бы не так! Это еще что! Вот оно как! А то!*). Подобные диалоговые шаблоны неоднословны, крайне идиоматичны, запоминаются и воспроизводятся говорящим, как есть, и составляют важный пласт разговорного языка.

ДФ от стандартных конструкций отличаются некоторые специфические особенности. Во-первых, по свидетельству П. Бычковой (Бычкова и др. 2019), поскольку неизменная часть ДФ (якорь) сама представляет собой полностью оформленный языковой акт, их слоты выходят за пределы собственного высказывания говорящего, ср. (2):

- (2) — *Может, в кино сходим?* (якорь) — *Да ну!* (слот).

Определяющим параметром для употребления той или иной формулы становится иллокутивная сила предыдущей реплики, то есть тип речевого акта (вопрос, предложение, предположение и т.д.). Значения ДФ всегда относятся к сфере прагматики – их можно условно разделить на положительные (подтверждение, согласие и разрешение, безразличие) и отрицательные (отрицание, отказ и запрет, недоверие). Формулы удивления (например, *Да ну*) многозначны: группа, выражающая простое удивление – скорее положительный ответ, а группа удивления / недоверия – скорее отрицательный.

Чтобы проанализировать семантику основных употреблений многозначных ДФ, а также их корреляцию с интонацией и сопутствующей жестикой, мы обратились к материалам мультимедийных корпусов – к подразделу Национального корпуса русского языка МУРКО (Гришина, Савчук 2010), к «Прагматикону» и к параллельному корпусу оригинальных

итальянских и дублированных (на английский, французский и немецкий языки) фильмов Forlixt 3.0 (Heiss, Soffritti 2008). Помимо этого, для поиска примеров в интересующей нас языковой комбинации, а также привлекая английский в качестве языка-посредника, мы использовали обширный (но не размеченный) корпус переводных интернет-текстов OPUS (Tiedemann 2012), наряду с агрегаторами субтитров к фильмам и телесериалам. Анализ субтитров, доступных на онлайн-платформах *opensubtitles.org* и под. производился методом многоуровневой сплошной выборки, и его результатом стал авторский корпус (далее – OS).¹

Использование аудиовизуальных материалов позволяет наблюдать не только за языковой, контекстуальной и прагматической характеристиками высказывания, но и за его невербальными составляющими – мимикой, жестами, взглядами. Это принципиально важно при исследовании ДФ, поскольку одна и та же подобная единица может выражать разные (порой диаметрально противоположные) интенции в зависимости от контекста, стимульной реплики, интонации и сопутствующей жестикуляции (Гришина 2017).

Семантическая классификация значений ДФ верифицировалась в данном исследовании тройко: типологически, то есть переводом на другой язык, типом интонации (с определением интонационного контура) и жестикуляции (если возможно). Методология анализа ДФ основана на фреймовой семантике, восходящей к упомянутым работам Ч. Филлмора. Согласно Филлмору (2006), значения языковых единиц интерпретируются не в изоляции, а внутри структурированных ситуационных моделей – фреймов. Каждый фрейм задаёт набор ролей, типичные сценарии взаимодействия участников и распределение ожиданий между собеседниками. Применение фреймового подхода к анализу русских дискурсивных формул у Рахилиной и Резниковой (2013) позволяет объяснить их многозначность и зависимость от типа стимула: одна и та же формула может выполнять несколько прагматических функций, если она встроена в разные фреймы.

1 Автор выражает благодарность анонимным рецензентам за ценные замечания и рекомендации. Особо отметим, что переводы субтитров фильмов и сериалов приводятся в статье в том варианте, который зафиксирован в исследуемых корпусах, в том числе на агрегаторах субтитров, и который транслировался на телевидении или в онлайн-кинотеатрах. Отдельные неточности перевода субтитров, на которые резонно указывает уважаемый рецензент, обусловлены спецификой аудиовизуального перевода и не препятствуют, на наш взгляд, анализу дискурсивных формул.

Фрейм девалоризации (3) описывает ситуации, в которых исходный стимул содержит оценку (положительную или отрицательную) либо побуждение/предложение, а ответ говорящего выполняет функцию пересмотра и снижения значимости этой оценки или самого предложения:

- (3) Стимул → ответ (*Да ну; Да ладно; Скажешь тоже, Зря ты так...*)

а. *Говорят, отличный фильм!* → *Да ну!*

положительная оценка → отрицательная оценка

б. *Говорят, ерунда какая-то...* → *Да ну!*

отрицательная оценка → положительная оценка

с. *Точно «Оскар» дадут!* → *Да ну!*

предположение → несогласие

Типовая конфигурация задаётся парой «стимул → ответ»: на позитивную оценку, как в (3а-с), возможна ответная негативная реакция *Да ну*, которая не просто сообщает несогласие, но демонстративно «обесценивает» озвученную собеседником оценку; напротив, негативная оценка (3б) корректируется с помощью элементов *Да ну / Да ладно*, когда говорящий возвращает объекту обсуждения более благоприятный статус. О разнообразных случаях употреблений многозначной формулы *Да ну* речь пойдет ниже.

3 Девавторизация: *Да ну*

В базе данных ДФ (Пужаева и др. 2018), которая описывает классы ДФ, противопоставления внутри них, а также семантико-прагматические и фонетические свойства конкретных формул, как и их корреляцию с жестикомуляцией, выделено восемь главных классов формул. В основном эти формулы делятся на позитивные (типа ДА) и негативные (типа НЕТ) реакции на стимульный речевой акт. В то же время формулы удивления (*Ну и ну!*; *Надо же!*; *Не может быть!*) могут «специализироваться» и выражать как приятие полученной информации (ср. положительное: *Вот это да!*), так и ее неприятие (ср. отрицательное: *Ты что?*); многозначные формулы удивления / обесценивания (*Да ну!*) различаются интонацией и часто жестикомуляцией, ср.:

- (4) а. *Пойдем погуляем?* — *Да ну!* (~ 'нет / не согласен');

б. *А я белый гриб нашел!* — *Да ну!* (~ 'да / верю тебе') (Рахилина и др. 2021).

Семантике многозначной ДФ *Да ну* в русском языке посвящено исследование (Бычкова, Рахилина, Слепак 2019): употребления *да ну* в нем поделены на две крупные семантические группы, условно называемые Удивление и Девавторизация (разновидность

глубинного отрицания). Если реакция удивления возникает в ответ на утверждение собеседника, содержащее новую информацию, то реакция девалоризации может возникать в ответ на другие речевые стимулы, относиться к разным параметрам ситуации и иметь разную степень негативности.

В отношении *да ну* различают – с нарастанием степени негативности реакции:

- (Д: а) девалоризацию предложения и отказ выполнить предлагаемое;
- (Д: b) девалоризацию решения, о котором сообщает собеседник (сопровождается отрицательной оценкой самого собеседника). Ср. *Да ну тебя!*;
- (Д: c) девалоризацию речевого акта высказывания собеседника («отмена» таких речевых актов, как извинения, комплименты и проч., сообщение об их неуместности),
- (Д: d) «положительную» девалоризацию негативного суждения.

Из результатов нашего сопоставительного исследования с итальянскими переводными вариантами *да ну* следует, что в контекстах девалоризации, указывающих на отказ или несогласие с решением собеседника (Д: а) в итальянском языке преимущественно используются конструкции с противительной частицей *ну* (итал. *ma*), в то время как в контекстах девалоризации высказывания собеседника, поведения собеседника или самого собеседника (Д: b) превалируют конструкции с глаголами движения (и жестах из *Away gestures family*), приглашающие собеседника «исключиться» из коммуникативной ситуации (Lentovskaya 2024).

- (5) Семантическая структура ДФ *да ну* в сопоставлении с итальянским языком (Lentovskaya 2024)

удивление / недоверие		> девалоризация
<i>davvero</i>	<i>ma dai</i>	<i>andiamo</i>
<i>stiamo scherzando</i>	<i>macché</i>	<i>ma va'</i>
<i>sul serio</i>	<i>mah</i>	<i>vai via</i>
<i>non è possibile / impossibile</i>	<i>ma sì</i>	<i>mettila</i>
<i>assurdo / perché?</i>		
	(a)	(b)

В отличие от значения удивления, недоверчивое *Да ну...* представляет собой реакцию, которая не столько сигнализирует эмоциональный подъём, сколько выражает скепсис, сомнение

в истинности или обоснованности высказывания собеседника. Несмотря на формальное совпадение формы, интонационный контур, тип стимула и фреймовая структура полностью меняют интерпретацию формулы.

Пример (6) иллюстрирует реакцию говорящего, который воспринимает информацию как маловероятную, преувеличенную или неправдоподобную:

- (6) — *Hai fatto troppi straordinari* ‘Ты слишком много работал сверхурочно’.
— *Ma sì, sarà solo stanchezza* ‘Да ну, это просто усталость’ (OS; *Doc: nelle tue mani* - 2, 2022).

Именно оценка степени вероятности формирует центральное значение данной зоны. Реакция *Да ну...* в этих случаях не является категорическим отрицанием, а выражает дистанцирование от позиции собеседника: говорящий одновременно демонстрирует нежелание принимать утверждение за истину и оставляет пространство для дальнейшего обсуждения.

С точки зрения фреймовой семантики (Fillmore 2006), недоверительное *Да ну...* связано с фреймом недостоверного сообщения: стимулом является утверждение, которое нарушает нормы вероятностных ожиданий или затрагивает темы, требующие подтверждения. Ответ в форме *Да ну...* функционирует как жест, указывающий на несоответствие между заявленным и ожидаемым. В отличие от эмоционально насыщенного удивления здесь реакция основана на оценке достоверности и/или разочаровании полученной информацией.

Интонация является ключевым элементом разграничения значений. Недоверчивое *Да ну...* произносится с отчётливо нисходящим тоном, растянутым, иногда приглушённым голосом, ср. (7):

- (7) — *E questa villa?* ‘Ну а вилла?’
— *Mah, mi sembra un po' troppo moderna. Non so mica se mi trovo bene* ‘Да ну, как по мне, слишком современная. Вряд ли мне здесь понравится’ (Forlìx; *Festa di laurea*, 1985).

Часто наблюдается удлинение последнего слога (ну-у-у), сопровождаемое скептическим выражением лица — опущенными бровями, сжатыми губами, лёгким покачиванием головы. Такое поведение неоднократно фиксируется в МУРКО и подтверждает, что жестово-интонационный компонент играет решающую роль в интерпретации формулы.

Важно отметить, что недоверчивое *Да ну...* является пограничным значением, находящимся между удивлением и отказом. Как показывают исследования Бычковой и Рахилиной

(2019), эта зона часто выступает переходной: говорящий сначала выражает удивление (*Да ну!*), но по мере осознания вероятной несостоятельности информации переключается на недоверие (*Да ну... не может быть*). Такая динамика подчёркивает семантическую подвижность конструкций.

Сопоставление с итальянским материалом выявляет близкие функциональные соответствия: здесь наиболее релевантными являются формулы *Ma dai...*, *Ma va'...*, реже саркастичное *Ma figurati*. Если *Ma dai...* выражает мягкое недоверие (*да ну, брось*), *Ma va'!* обладает более резкой отрицательной силой (*да брось ты, нет же*). В приведенных выше примерах (6-7) дискуссия проходит спокойно, тон разговора ровный. Почти обязательное присутствие противопоставления *ma* (*mah*, *ma sì*) наблюдается и в тех мультимедийных примерах, где один из собеседников спокойно отклоняет предложение или выражает свое несогласие (Д: а), но не намеревается спорить. В подобных случаях говорящий стремится избежать общения, как взглядом, так и позой.

Чаше в примерах говорящий пытается с большей настойчивостью и убедительностью обесценить мнение собеседника. В частности, более резкий тон ответа, включающего *да ну*, направлен на то, чтобы преуменьшить значение предыдущего ответа. Жесты, которые часто сопровождают эти сцены, указывают на дистанцирование от собеседника (говорящие встряхивают, всплескивают руками, выставляют руки вперед). Вариант перевода на итальянский язык, выбранный в этих случаях, почти исключительно *ma dai*. К противоположному элементу *ma* в этой формуле добавляется *dai* (в некоторых случаях сопровождаемый *si*, так же как элементы *брось*, *перестань*, *прекрати* сопровождают формулу *да ну*), с помощью которого говорящий приглашает собеседника изменить свое мнение (приведем несколько примеров из нашей подборки):

- (8) — *Si'... perche' andrai al matrimonio* 'Да, потому что ты идешь на свадьбу'.
 — *Si dovrebbero indossare i tacchi... Per un'occasione speciale* 'Ты, наверное, наденешь каблуки ... по такому случаю'. — *Oh, ma dai...* 'Да ну, прекрати...' (OS; *Grey's Anatomy* - 9, 2014);
- (9) *Да ну брось, милая, 1200 баксов за собаку?* 'Ma dai, vogliono 1200 dollari per quel cane' (OPUS; *Gossip Girl* - 2, 2008).

Наконец, когда речь идет о девалоризации собеседника (Д: б), тон разговора становится более резким. В таких случаях *да ну* используется для упрека, выражения сожаления, разочарования, раздражения, недовольства, вызванного неконструктивным поведением собеседника. Очень часто в сценах фильмов или сериалов можно наблюдать жесты, относящиеся к *Away Gestures*

Family (Bressem, Müller 2014): говорящий, если он сидит, резко встает, поворачивается спиной к собеседнику, машет руками, как бы отгоняя его, качает головой и т. п. Иногда он может приложить руки к лицу, пытаясь «изолировать» себя от коммуникативной ситуации. В русском языке синонимичные ДФ в разной степени способствуют реализации механизма отчуждения собеседника и дистанцирования от него (ср. *da* ну тебя 'vai via', *да* ну тебя (*иди*) к черту 'vai a quel paese, vai al diavolo' и т. д.). Итальянские эквиваленты подтверждают эту логику, поскольку в подобных контекстах часто используются формулы, содержащие глаголы движения. Поиск в корпусах дал более 50 примеров с *andiamo*, в том числе (10-12):

- (10) *Giuseppe*: — *Ehm... Fai anche finta di studiare adesso? Tanto non ci crede nessuno, lo sai? Tieni. Vattene in vacanza, basta che non ti vedo. Dopo tutto quello che hai avuto, bel ringraziamento. Poi anche quella cosa della se... davanti alla mamma, andiamo. Stai fuori, eh, Riccardo!*
 'Джузеппе (отец): — Хм... Теперь ты, значит, взялся за учебу? Кто же в это поверит? Держи (протягивает сыну деньги). Съезди отдохни куда-нибудь, чтобы я тебя не видел. Так-то ты меня благодаришь за все, что я для тебя делаю? И про секретаршу, да еще при маме... Да ну, Риккардо! Это ни в какие ворота!' (Forlìx; *Come tu mi vuoi*, 2007);
- (11) — *Vediamo la licenza per vendere* 'Предъявите лицензию на продажу'.
 — *Andiamo, ragazzi, è Natale!* 'Да ну, ребята, это же Рождество!'
 — *Dacci la licenza!* 'Документы!' (OPUS; *Bones*-1, 2005).
- (12) *Serena*: — *Chuck, se stai provando ad impressionare Blair...* 'Серена: — Чак, если ты пытаешься впечатлить Блэр...'
Chuck: — *Voglio dire, andiamo...* 'Да ну...' (OPUS; *Gossip Girl* - 2, 2008).

Бычкова и др. (2019), описывая подобные сцены в российских фильмах, отмечают наличие трехстороннего прагматического контекста. Всегда есть предпосылка, которая вовлекает участников сцены: достигнутая договоренность (которая будет нарушена), данное обещание (которое не будет выполнено), ожидания определенного типа поведения, которые будут обмануты. Сцены (10-11) функционируют как «разборки», выяснение отношений между отцом и сыном (10) или полицейскими из разных подразделений (11). Наконец, приведенная нами реплика может быть произнесена кем-то, кому была раскрыта суровая правда, но кто не хочет ее принимать и смириться с ней (Чак из диалога (12)).

Многозначный элемент *Figurati* в нашем корпусе соответствует *да* ну редко и только в случаях (Д: с) и (Д: d): см. пример (13), иллюстрирующий девалоризацию извинений говорящего

— ситуацию, в которой адресату дают понять, что его реакция на ситуацию преувеличена и извинения излишни (см. ниже примеры с формулой *Ну что ты*):

(13) — *Scusa l'attesa* 'Извини, что заставила ждать'.

— *Figurati, sono appena arrivato* 'Да ну, я сам только что приехал' (OS; *Doc: nelle tue mani* - 2, 2022).

Тем временем, пример (14) демонстрирует одно из наиболее тонких значений формулы *Да ну* - ироничное выражение недоверия, разновидность «положительного», добродушного обесценивания (девалоризации) эмоций (преимущественно переживаний) / интенций говорящего:

(14) — *Mi sono sognato che eri incinta. (entrambi ridono)*

— *(ridendo) Ma figurati. Ci manca solo di rimanere incinta. Eh... Di nuovo.*

'Мне такой сон приснился – что ты беременна! (смеются)

— Да ну, только представь – только не снова. Слишком рано' (OS; *Era ora*, 2022).

Ироничное *Да ну* возникает прежде всего в ситуациях, когда собеседники дружески, непринуждённо общаются (в примере (14) разговаривают муж с женой), и адресат ожидает от говорящего не буквального ответа, а соучастия в шутке или в игре с ситуацией. В «Прагматиконе» эта зона классифицируется как *playful disbelief / ironic teasing* 'шутливое недоверие / подтрунивание', а в МУРКО отмечается обязательное наличие невербальных показателей игрового тона: улыбки / смеха, лёгкого толчка плечом, расслабленной позы при отсутствии жестов отторжения, лёгкого повышения тональности высказывания и проч.

Впрочем, совпадение между формулами *Figurati* и *Да ну* носит контекстный характер: оно возникает только в рамках сценариев, где реакция представляет собой (по Fillmore 2006) т.н. *playful disengagement* – мягкое, ироничное уклонение от вовлеченности в ситуацию. За пределами подобных сценариев наиболее распространенным русским соответствием *Figurati* во фрейме девалоризации является *(Ну) что ты*.

4 Девалоризация: *Ну что ты / Figurati*

По нашим наблюдениям, элементу *Figurati* в контекстах девалоризации (Д: с) и (Д: d) регулярно соответствует русский коррелят *Ну что ты*, и оба эти элемента в рассматриваемых языках, на наш взгляд, по совокупности значений выражают девалоризацию оценки говорящим коммуникативной ситуации.

Центральными элементами обеих эллиптических конструкций является элемент *что*: *Ну что ты (говоришь / делаешь...)* vs. *Figurati (se può essere vero ciò che hai detto / suggerito)* '(букв.) Неужели может быть правильным то, что ты сказал / предложил'.

Употребления *Ну что ты (вы)* авторы «Прагматикона» условно делят на две семантические группы, называемые «Отрицание / Девавторизация» и «Уговоры». Стимулом для подобной реакции может послужить реплика или действие собеседника, выражающее благодарность, извинение, комплимент и под. (15), или же отказ собеседника выполнить просьбу (16):

(15) Б: – Мне так неловко... / А: — Ну что ты;

(16) А: – Помоги, пожалуйста! / Б: — Не буду! / А: — Ну что ты.

В ряде случаев значение девалторизации, выраженное *Ну что ты*, сближается со значением подтверждения / поддержки (иными словами, речь может идти о девалторизации сомнений, ошибочных выводов и проч.) и, следовательно, сама формула становится в ряд с такими функциональными синонимами, как *Конечно*, *Само собой*. В итальянском корпусе во всех описанных случаях регулярно употребляется многозначный коммуникатив *Figurati (Si figura)* — эмфатически-экспрессивный модальный элемент, которому посвящено немало специальных исследований (Schneider 2007; Pugliese 2015). На амбивалентную природу этого элемента указывает, в частности, Р. Пульезе (2015), причем цитируемые ей примеры со значением подтверждения (17) и отрицания (18) на русский язык можно перевести с использованием формул согласия или отказа *Конечно, да* и *Конечно, нет*:

(17) *Posso entrare?* / *Figurati!* 'Я могу войти? / Конечно, да!'

(18) *Ti dispiace se uso la tua presentazione?* / *Figurati!* 'Ты не будешь против, если я использую твою презентацию? / Конечно, нет!'

Двойственность *Figurati* в итальянском языке проявляется в том, что в зависимости от стимульной реплики этот элемент может выражать согласие или одобрение (с оттенком удивления) (19), или же экспрессивный отказ, отрицание и девалторизацию (любого) коммуникативного намерения собеседника (20):

(19) *Vieni con noi al concerto domani?* / *Figurati!* (Само собой! Еще бы! Да!)

(20) *Allora, sei pronto all'esame di domani?* / *Figurati!* 'Ты готов к завтрашнему экзамену? / Ну что ты! (Хорошо бы! Нет!)'.

Двойственность дискурсивной формулы *Hu che ты* при выражении девалоризации, или же более широкую интерпретацию девалоризации, как и в случае *Figurati*, также можно проиллюстрировать примерами параллельных употреблений в идентичных коммуникативных ситуациях как в двуязычной (итальянско-русской), так и в трехязычной комбинации (при английском языке-посреднике).

В контекстах девалоризации или «отмены» речевых актов, при стимульной реплике, выражающей извинения (21-22) или предложение помощи (23), *Figurati* в итальянском языке является рутинным употреблением:

- (21) a. — *Mi scusi, io...* — *No, figurati*. 'Извините! – Ничего страшного!'
b. — *Scusami, avevo delle cose da fare.* — *Figurati*. 'Прости, были дела. – Ничего'.
- (22) — *Scusa se non ti ho detto la verità.* — *Figurati*. *A volte sono io che dimentico che hai solo 18 anni* 'Прости, что не сказал тебе правду / Ну что ты. Иногда я сама забываю, что тебе всего восемнадцать' (OS; *Doc: nelle tue mani*-1, 2022).
- (23) — *Vuoi una mano?* / *No, figurati* 'Тебе помочь? / Ну что ты, не беспокойся' (OS; *Fedeltà*, 2022).

Figurati как эмфатический элемент при девалоризации извинений используется в итальянском и в тех случаях, когда контекст требует разрядить обстановку, снизить накал эмоций. Подобные параллели наблюдаются, когда итальянский является и оригинальным языком, и языком перевода (24):

- (24) — *Извините, ради бога, я...* — *Прошу вас, Ольга. Для нас большая честь...*
'*Scusate l'interruzione.* — *Figurati, Olga. È un privilegio avverti qui con noi*' (OS; *Дневной дозор*, 2006).

Помимо извинений, стимульной репликой во фрейме девалоризации может являться любое предположение, отвергаемое как невозможное (неверное, странное), как преувеличение, как неверную оценку ситуации говорящим:

- (25) — *Che è successo? Lo stalker è arrivato fin laggiù?* — *No, figurati*.
'Что случилось? Сталкер и туда добрался? — Нет, что ты' (Forlixt; *Viva l'Italia*, 2012).

Эмоциональное напряжение, возникающее в словах участника диалога (25), снимается ответом *Нет, что ты*, который не опровергает факта, не противоречит сказанному, а целенаправленно уменьшает значимость тревоги. Формула в данном случае не связана с отрицанием в буквальном смысле;

отрицание *нет* служит лишь прелюдией к ключевой конструкции *что ты*, которая аналогична успокаивающему жесту рукой или мягкой улыбке при невербальном общении.

Такая функция является основной для итальянского *Figurati* в его девалоративном употреблении. В ситуации, когда собеседник выражает извинение, тревогу, смущение или чрезмерное беспокойство, итальянский говорящий использует *Figurati*, чтобы показать, что повода для сильной эмоциональной реакции нет. В подобных случаях как в итальянских, так и в русских репликах могут появляться формулы, более эксплицитно указывающие на неверное суждение говорящего:²

(26) — Ты думаешь, я больная, да?

— Ну что ты, доченька. Ты устала и...тебе нужно хорошенько отдохнуть.

‘Tu pensi che io sia malata?’

Ma cosa dici, tesoro. Sei soltanto un po’ stanca, devi riposare’ (OS; Остров, П. Лунгин, 2006)

(27) — *Brutta la gelosia, eh?* ‘Ревность ужасна, да?’

— *Ma io non sono per niente geloso. Figurati. Non mi conviene.*

‘Я вовсе не ревную, ни капли. Это не мое’ (OS; *La legge secondo Lidia Poët* -1, 2023).

(28) — *E’ sua moglie?* — *Figurati!*

‘Она ваша жена? — Какая еще жена?!’ (OS; *Le fate ignoranti*, 2001).

Важно подчеркнуть, что девалоративное значение всегда ориентировано на эмоциональное состояние адресата, а не на объективную сторону ситуации. В русском языке именно *Ну что ты* играет роль универсального смягчителя, призванного восстановить эмоциональный баланс, устранить неловкость или чрезмерное оправдание. Корпус МУРКО показывает, что эта формула почти неизменно сопровождается мягким нисходящим интонационным рисунком, спокойной мимикой, жестами открытых ладоней – тем, что передает эмпатическое внимание к адресату. Итальянское *Figurati* в аналогичной зоне выполняет те же функции: сопровождается расслабленным выражением лица, мягкими жестами и спокойной, слегка нисходящей интонацией, что подтверждается корпусными данными.

Помимо *Ну что ты*, *Figurati* оказывается полноценным прагматическим аналогом русских ДФ *Не волнуйся*, *Не переживай*; *Брось* (*Да брось*, *Да брось ты*), *Да что за ерунда*, *С*

² У (Bychkova 2020) упоминается параллельная *Figurati* итальянская формула *Ci mancherebbe* (приблизительно соответствующая русскому *Еще чего*).

какой стати; Помилуй, Я тебя умоляю – выражений, которые одновременно поддерживают собеседника и уменьшают эмоциональную остроту ситуации, «отменяют» целый ряд эмоций и переживаний:

(29) — *Ora come vado in giro? Con che faccia? — Nessuno lo sa, ma figurati!*

— Sì... nessuno!

‘А мне что делать... Как людям на улице в глаза смотреть!?’

— Не волнуйся, никто не знает! – Да?... Никто!?’ (OS; *Mine vaganti*, 2010).

(30) — *Si può sapere dov'eri?*

— Eh, non me lo chiedevi nemmeno quando eravamo sposati. Sei gelosa?

— *Ma figurati. Ma lo so che sei solo come un cane.*

‘Можно узнать, где ты был?’

Даже когда мы были женаты, ты не спрашивала. Ревнуешь?

Брось! Я знаю, что ты один’ (OS; *Compromessi sposi*, 2019).

В рамках фреймовой семантики эти примеры подтверждают, что девалоризация представляет собой отдельный фрейм, в котором реакция адресована не к предметному содержанию высказывания, а к его эмоционально-ролевой структуре. Вотличие от прямого отказа или несогласия, девалоративная реплика не сопоставляет два разных мнения; она переосмысливает актуальную оценочную перспективу.

5 Выводы

Приведенный нами список формул не претендует на исчерпывающую полноту; более того, в ракурсе прагматики мы можем говорить лишь о ДФ, которые более или менее ожидаемы и вероятны в определенных коммуникативных ситуациях. И все же, учитывая объем изученных корпусов, включающих моно-, двух- (в итальянско-русском языковом сочетании) и трехязычные мультимедийные материалы с английским языком-посредником, представленную картину можно считать убедительной.

Русские ДФ Ну что ты, Да ладно, Пустяки, Ничего страшного и их разнообразные контекстуальные варианты выступают как средства, направленные на устранение чрезмерной драматизации. Такой эффект особенно заметен в ситуациях, когда один из участников диалога демонстрирует тревогу, вину или чрезмерную серьезность там, где другой считает такую эмоциональную оценку избыточной. Девалоризация в русском языке выступает не как формальное отрицание факта, а как средство, регулирующее эмоциональную дистанцию и направленное на поддержание гармоничной коммуникации.

Итальянская система демонстрирует аналогичную структуру: формулы *Figurati*, *Ma figurati*, *Ma no*, *Ma dai* и под. выполняют ту же иллокутивную функцию. Однако в итальянском материале девалоризация гораздо чаще реализуется через объединение вербального и поведенческого компонентов: жесты открытых ладоней, расслабленная мимика, произнесение реплики «на выдохе» подтверждают нежелание драматизировать ситуацию. Исследования многоязычных корпусов показывают, что именно девалоративное употребление является одним из наиболее частотных сценариев появления *Figurati*, особенно в бытовых контекстах.

Особого внимания заслуживает тот факт, что девалоризация может быть направлена как на эмоциональное состояние адресата, так и на действия или события, относящиеся к третьим лицам. В примерах из корпусов мы наблюдаем ситуации, где говорящий стремится уменьшить важность не самого события, а реакции на него. Таким образом, девалоризация становится инструментом, который регулирует не содержание диалога, а, прежде всего, саму структуру обмена эмоциями. Это особенно заметно в случаях, когда одна реплика переводит конфликтную ситуацию в рамки спокойного обсуждения.

С теоретической точки зрения такие примеры хорошо укладываются в фреймовую модель Рахилиной и Резниковой (2013), где девалоризация описывается как реакция, адресованная к эмоциональной или оценочной составляющей предыдущего высказывания, а не к его фактическому содержанию. Девалоративная реплика, таким образом, не вступает в оппозицию с утверждением, а корректирует его интерпретацию, снижая степень его значимости в коммуникативном поле. Именно поэтому девалоризация может сочетать формально отрицательные элементы (например, частицы) с позитивной функцией поддержки адресата.

Возможные дальнейшие исследования могли бы найти свое развитие в изучении квазисинонимичных русских ДФ, подходящих для выражения удивления и обесценивания (*Даладно*, *Не может быть*, *Да что ты*, *Глупости какие* и т.д.), и их соотнесения с итальянскими формулами, так же, как и для другой работы в сопоставительном и типологическом ракурсе.

Библиография

- Бычкова, П.В.; Рахилина, Е.В.; Слепак, Е.А. (2019). «Дискурсивные формулы: полисемия и жестовое маркирование». *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*, 21, 256-83. <https://alr.iling-ran.ru/articles/2019>.
- Гришина, Е.А. (2017). *Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения: корпусные исследования*. Москва: Языки славянской культуры. <https://iling-ran.ru/library/grishina2017>.
- Гришина, Е.А.; Савчук, С.О. (2010). «Мультимедийный корпус русского языка (МУРКО)». *Национальный корпус русского языка*. <http://ruscorpora.ru/search-murco.html>.
- Пужаева, С.Ю.; Герасименко, Е.А.; Захарова, Е.С.; Рахилина, Е.В. (2018). «Автоматическое извлечение дискурсивных формул из текстов на русском языке». *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 16(2), 5-18. <https://journals.nsu.ru/linguistics>.
- Рахилина, Е.В.; Бычкова, П.А.; Жукова, С.Ю. (2021). «Речевые акты как лингвистическая категория: дискурсивные формулы». *Вопросы языкознания*, 2, 7-27. <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2021.2.7-27>.
- Рахилина, Е.В.; Кузнецова, Ю.Л. (2010). «Грамматика конструкций: теория и практика». Рахилина, Е.В. (ред.), *Грамматика конструкций*. Москва: Азбуковник, 18-79. <https://iling-ran.ru/library>.
- Рахилина, Е.В.; Резникова, Т.И. (2013). «Фреймовый подход к лексической типологии». *Вопросы языкознания*, 6, 3-31. <https://vja.ruslang.ru>.
- Яскевич, А.А.; Бычкова, П.А.; Слепак, Е.А.; Рахилина, Е.В. (2022). «База данных дискурсивных формул русского языка 'Прагматикон'». *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: материалы конференции «Диалог»*. Москва: РГГУ, 241-55. <https://dialogue-conf.org>.
- Bressem, J.; Müller, C. (2014). "The Family of Away Gestures: Negation, Refusal, and Negative Assessment". Müller, C. et al. (eds), *Body – Language – Communication. An International Handbook on Multimodality in Human Interaction*, vol.2. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 1592-605. <https://doi.org/10.1515/9783110302028.1592>.
- Bychkova, P. (2020). "Discourse Formulae of Confirmation from a Typological Perspective". *Jezikoslovni zapiski*, 26(2), 111-28. <https://zrc-sazu.si/en/publikacije/jezikoslovni-zapiski>.
- Fillmore, C.J. (2006). "Frame Semantics". Geeraerts, D. (ed.), *Cognitive Linguistics: Basic Readings*. Berlin; New York: De Gruyter, 373-400. <https://doi.org/10.1515/9783110199901.373>.
- Fillmore, C.J.; Kay, P.; O'Connor, M.C. (1988). "Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of *Let Alone*". *Language*, 64(3), 501-38. <https://doi.org/10.2307/414531>.
- Fillmore, C.J.; Lee-Goldman, R.R.; Rhodes, R. (2012). "The FrameNet Constructicon". Boas, H.C.; Sag, I.A. (eds), *Sign-Based Construction Grammar*. Stanford, CA: CSLI Publications, 309-72. <https://web.stanford.edu/group/cslipublications>.
- Heiss, C.; Soffritti, M. (2008). "Forlì 1 – The Forlì Corpus of Screen Translation: Exploring Microstructures". Chiaro, D. et al. (eds), *Between Text and Image*.

- Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 51-62. <https://doi.org/10.1075/btL.78.07hei>.
- Janda, L.A.; Lyashevskaya, O.; Nessel, T.; Rakhilina, E.; Tyers, F.M. (2018). "A Constructicon for Russian: Filling in the Gaps". Lyngfelt, B. et al. (eds), *Constructicography*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 165-81. <https://doi.org/10.1075/cal.22.06jan>.
- Lentovskaya, A. (2024). "Lo studio contrastivo dei segnali discorsivi (discourse formulas) nella didattica del russo come lingua straniera". Gilardoni, S.; Sartirana L. (eds), *Approcci integrati plurilingui all'università. Metodi, formazione, esperienze*. Milano: EDUCatt, 101-15. <https://librerie.unicatt.it>.
- Pugliese, R. (2015). "Figurati! Valori pragmatici e funzioni discorsive". *Lingua e Stile*, 50(2), 227-52. <https://www.mulino.it>.
- Radovan, M.; Slepak, E.A.; Bychkova, P.A.; Rakhilina, E.V.; Yaskevich, A.A. (2021). "Russian Constructicon: A Constructional Database for Russian". *Proceedings of the 29th International Conference "Dialogue"*. Moscow: RGGU, 347-60. <https://dialogue-conf.org>.
- Schneider, S. (2007). "Discourse Particles in Italian: The Case of *figurati*". Bertuccelli Papi, M. (ed.), *Studies in Italian Pragmatics*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 155-76. <https://benjamins.com>
- Tiedemann, J. (2012). "Parallel Data, Tools and Interfaces in OPUS". *Proceedings of LREC 2012*. Istanbul: ELRA, 2214-218. <http://opus.nlpl.eu>.

Costruzioni con il dativo interazionale nella comunicazione mediata dal computer in ceco: tra grammatica e interazione

Anna Perissutti

Università degli Studi di Udine, Italia

Abstract This article investigates the behavior of interactional datives (IDs) in Czech digital communication. Drawing on Mirjam Fried's constructionist framework and John W. Du Bois's stance model, the study analyzes data extracted from the *csTenTen 12+17+19* web corpus *csTenTen12*. The paper analyzes three different constructions, showing how they systematically differentiate between patterns of stance mitigation, positive community alignment and subjective epistemic distancing. Ultimately in the realm of digital communication, this research demonstrates that Czech IDs serve as vectors of interpersonal attunement and stance negotiation.

Keywords Interactional datives. Ethical Datives. Digital Communication. Stance Theory. Pragmatics. Corpus linguistics.

Sommario 1 Introduzione. – 2 Approccio teorico e quadro metodologico. – 3 I dativi interazionali orientati all'interlocutore. – 4 I dativi interazionali orientati al locutore nella comunicazione digitale: la costruzione esclamativa con il pronome neutro *to* 'esso, questo, quello'. – 5 Conclusioni.

Peer review

Submitted 2026-01-11
Accepted 2026-07-27
Published 2026-10-14

Open access

© 2026 Perissutti | CC BY 4.0

DOI 10.30687/BES/2785-3187/2026/01/004

1 Introduzione

Il presente articolo è dedicato a una serie di costruzioni con il dativo in ceco, in cui questo caso non esprime argomenti del predicato ma partecipanti al discorso, evidenziando una funzione legata all'enunciato piuttosto che al contenuto proposizionale. Come emerge dall'esempio (1), tratto da Janda (2003), i dativi pronominali *ti* 'ti' e *mi* 'mi' non sono richiesti dalla valenza del verbo *zlomit si* ('rompersi') e non indicano i partecipanti all'evento da esso denotato. Al contrario, denotano rispettivamente l'interlocutore e il locutore in quanto partecipanti al discorso, evidenziando una funzione simile a quella delle particelle modali, al servizio dell'interazione verbale.

- (1) *Pustila jsem dceru na hory, a ona ti si mi zlomila nohu!* (Janda 2003, 7)
Ho lasciato andare mia figlia in montagna e lei **ti**-DAT **si** **mi**-DAT è rotta la gamba.
Ho lasciato andare mia figlia in montagna e lei si è rotta la gamba, **pensa che roba, povera me.**¹

Definiti tradizionalmente 'dativi etici',² questi pronomi sono etichettati con svariati termini in linguistica: *empathetic datives* (Fried 2011), *interactional datives* (Fried 2021), *attitudinal datives* (Haddad 2018; Kalnača, Lokmane 2023) o ancora *datives of affectedness* (Nicolot 2014). Tali definizioni gettano luce su diverse sfumature costitutive di questa categoria. Se da un lato *empathetic datives* e *datives of affectedness* mettono in primo piano la dimensione psicologica e l'impatto emotivo dell'evento sul parlante, dall'altro le etichette *interactional* e *attitudinal* ne evidenziano la natura pragmatica e orientata all'interlocutore. Nel nostro studio useremo il termine 'dativo interazionale' (nel seguito del testo DI) perché si focalizza sul ruolo di questa risorsa nella coordinazione conversazionale.

Presenti in molte lingue di diverse famiglie linguistiche, geneticamente e tipologicamente distanti, essi risultano caratterizzati a livello cross-linguistico da proprietà prosodiche, morfosintattiche, semantiche e testuali comuni a tutte le lingue in cui il fenomeno è stato riscontrato. Si tratta di pronomi personali enclitici di prima e seconda persona, singolare e plurale, tipici del registro informale e opzionali. Tali elementi non contribuiscono alle condizioni di verità dell'enunciato, non sono soggetti alla negazione, non possono essere estratti nelle domande o nelle relative e possono co-occorrere con

¹ Le traduzioni degli esempi, dove non diversamente specificato, sono dell'Autrice.

² La denominazione 'dativo etico', derivata dal latino *dativus ethicus*, è intesa a sottolineare il fatto che queste forme morfologiche indicano la partecipazione o il coinvolgimento emotivo del parlante rispetto all'evento denotato dal predicato. Il termine risulta tuttavia piuttosto opaco e non aiuta a gettare luce su una categoria già di per sé complessa.

altri nomi e pronomi al dativo nella stessa frase (per un'analisi formale e sintattica delle restrizioni strutturali, della cliticizzazione e della natura non-argomentale di tali elementi, si vedano Cardinaletti, Starke 1994; Cuervo 2003; Joutiteau, Rezac 2008; Michelioudakis, Sitaridou 2009; Dvořák 2017 *inter alia*). Specifici e legati alle varie lingue sono invece gli effetti pragmatici e i contesti d'uso, come emerge dagli studi contrastivi.³

Molto difficili da tradurre da una lingua all'altra, essi si presentano come un fenomeno affascinante ed elusivo, ampiamente dibattuto all'interno della letteratura linguistica contemporanea.

Al fenomeno dei DI cechi ha dedicato numerosi e dettagliati studi Fried (2011; 2019; 2021),

fornendo una mappatura sistematica di queste risorse nel quadro teorico della *Construction Grammar*.⁴ Partendo da dati empirici raccolti attraverso i corpora di ceco parlato ORAL2006 (Kopřivová, Waclawíčová 2006), ORAL2008 (Waclawíčová et al. 2008) e PMK (Čermák et al. 2001), l'autrice isola diverse costruzioni in cui i DI si manifestano, distinte in base all'orientamento deittico e alla funzione conversazionale. Sulla base dei dati da noi raccolti e delle ricorrenze isolate dall'autrice, proponiamo qui una sistematizzazione dei DI orientati all'interlocutore in due costrutti principali:

La costruzione *já ti nevím* (letteralmente 'io non ti-DAT so'). Caratterizzata da una forte co-

occorrenza con il vocativo (si veda l'es. 2), è impiega tipicamente dal locutore per ammettere, spesso in tono apologetico, la mancata conoscenza di un'informazione richiesta dall'interlocutore, o per reagire a contesti che sollecitano implicitamente un'integrazione informativa.

- (2) *Já ti Klárko, nevím, já si to možná vzpomenu někdy.* (Fried 2011, 7)

Io ti-DAT Klara-VOC, non so, forse mi verrà in mente.

Senti, Klara, non lo so proprio, chissà, forse mi tornerà in mente dopo.

La costruzione di intensificazione: si tratta di frasi in cui i DI di seconda persona singolare e plurale co-occorrono con quantificatori – quali

3 Tra gli studi contrastivi si annoverano, inter alia, Niclot (2014) per il confronto tra francese, italiano e tedesco nella grammatica delle costruzioni; Puerta Moreno (2020) per un'analisi pragmatica del fenomeno in francese e in spagnolo; Haddad (2018) per l'uso dei DI in quattro varietà di arabo levantino, nello specifico il siriano, il libanese, il giordano e il palestinese.

4 L'approccio di Fried si inserisce nel solco dei lavori pionieristici che indagano il rapporto tra grammatica e interazione nell'ambito della CxG, a partire da Fillmore (1982). Lo studioso individuava l'esistenza, accanto ai *cognitive frames*, di *interactional frames* «having to do with how we conceptualize what is going on between the speaker and the hearer, or between the author and the reader» (1982, 117).

tak ('così'), *tolik* ('tanto'), *takový* ('tale/così'), *jak* ('come') – o particelle focalizzanti come *i* ('perfino, anche'). All'interno di questa costruzione, i DI segnalano, su un piano pragmatico, una situazione inattesa, esprimendo una forte sfumatura di sorpresa o sconcerto da parte del locutore.

- (3) *a je tam trávník, takovej obrovskéj areál nebo vobrovskéj, velké, tam ti je tak nádherný udělaný dětský hřiště jo* (Fried 2021, 32)
 e c'è un prato, una specie di area enorme, o gigantesca, grande, lì ti-DAT è un parco giochi per bambini davvero ben fatto, eh...
 e c'è un prato, una specie di area enorme, o gigantesca, grande, lì, da non credere, c'è un parco giochi per bambini davvero ben fatto, eh...

Relativamente alla categoria dei DI orientati al locutore, sulla base delle evidenze d'uso fornite da Fried (2011, 2019, 2021),⁵ è possibile isolare una configurazione sistematica ed evidente, costituita dalla cd. 'costruzione esclamativa'. Si tratta di frasi copolari a schema fisso, introdotte dal pronome dimostrativo al neutro singolare *to* ('ciò/esso') e da un predicato nominale rappresentato esclusivamente da un sostantivo al nominativo (escludendo avverbi, aggettivi, locuzioni preposizionali e sostantivi al caso strumentale). Il DI assume la forma del clitico di prima persona singolare *mi* ('mi-DAT') – o più raramente plurale *nám* ('ci-DAT')⁶ – ed è frequentemente seguito dai connettivi *ale* (con valore intensificativo di 'veramente') o *teda* ('allora, quindi').⁷ Impiegata in contesti dialogici in reazione a un turno di parola immediatamente antecedente, questa costruzione assolve a una chiara funzione mirativa, esprimendo sorpresa, sarcasmo e ironia da parte del locutore di fronte all'innesto conversazionale.

⁵ Nel novero delle costruzioni con i DI rivolti al locutore, Fried (2011) include anche gli enunciati direttivi (minacce, avvertimenti) alla forma imperativa, prevalentemente negativa. In questi contesti, tuttavia, risulta complesso separare nettamente la funzione pragmatica dall'interpretazione del dativo di interesse o di possesso, che emerge nella maggioranza dei casi analizzati. Visto il limitato spazio a disposizione, si sceglie di escludere tale tipologia dal presente studio.

⁶ Fried (2021) osserva che l'uso del DI alla prima persona plurale appare limitato alla sola lingua scritta (in testi di ambito giornalistico) e risulta del tutto assente nei corpora del parlato. La scelta del plurale risponderebbe secondo l'autrice a una strategia retorica di inclusione del lettore, chiamato a condividere l'atteggiamento sprezzante dell'autore.

⁷ In questi contesti, *ale* 'ma' e *teda* 'allora, quindi' perdono la loro originaria funzione sintattica di connettivi (rispettivamente avversativo e conclusivo) per assumere quella di particelle modali intensificative (*intenzifikační částice*). Il loro scopo non è collegare due proposizioni, ma modificare l'intero enunciato per esprimere l'atteggiamento emotivo del parlante – in questo caso, una forte enfasi, ammirazione o sorpresa (cfr. Karlík et al. 1995: 341-5).

- (4) *Tak počkej – to máme burzovní makléř, známý umělec, taxikář a teplouš. No to je mi teda bratrstvo.* (Fried 2011, 12)

Ma aspetta un attimo... abbiamo un agente di borsa, un artista famoso, un tassista e un gay. Beh, questo è mi-DAT allora confraternita.

Ma aspetta un attimo... abbiamo un agente di borsa, un artista famoso, un tassista e un gay. Beh, proprio una bella compagnia!

Nel nostro articolo ci proponiamo di estendere l'analisi dei dativi interazionali al contesto della comunicazione digitale (nel seguito del testo CD), analizzando un corpus di dati tratti da blog, forum e newsrooms cechi.⁸ La ricerca è motivata dal fatto che, sebbene il modello di Fried offra una mappatura esaustiva dei DI basata su corpora di parlato spontaneo, manca ancora un'indagine sistematica volta a verificare il comportamento e la produttività di queste stesse costruzioni all'interno della scrittura digitale.

Coniato negli anni Ottanta del secolo scorso, il termine *Computer Mediated Communication* (CMC) denota oggi ogni forma di comunicazione mediata da dispositivi elettronici. In ambito boemistico, la ricerca ha preso avvio alla fine degli anni Novanta con gli studi pionieristici di Čmejrková (1999; 2003; 2006) sull'ibridazione tra parlato e scritto, per poi estendersi all'analisi di chat (Jandová 2007), forum (Homoláč 2009) ed emoticon (Škodová 2002; Komrsková 2016), fino alla recente sintesi collettiva in Hoffmanová et al. (2022).

Come evidenziato dai numerosi studi dedicati alla CMC (cfr. Palermo 2017 per una sintesi sulla testualità in rete), l'ambiente digitale ha stravolto le categorie della testualità a cui eravamo tradizionalmente abituati; tra i principali cambiamenti si annoverano la fusione dei ruoli di scrittore e lettore, un processo dinamico in cui il ricevente non è più un fruitore passivo, ma interviene attivamente nello spazio dell'autore attraverso commenti, risposte e reazioni, e la frammentazione del luogo e del tempo dell'enunciato, articolati in molteplici coordinate spazio-temporali asincrone o simultanee; questa complessa riconfigurazione testuale comporta profonde modifiche sul piano linguistico. Dal punto di vista sintattico, il linguaggio della CMC predilige la paratassi, l'asindeto e la giustapposizione di frasi, in un quadro in cui la brevità e la frammentarietà dei testi

⁸ I testi che caratterizzano il corpus del nostro studio appartengono alla tipologia dei cosiddetti 'nativi digitali'. Come spiegano sia Hoffmanová et al. (2022) sia Palermo (2017), Internet è un immenso archivio di testi eterogenei, caratterizzati da gradi di digitalità molto diversi: basso o nullo per i testi stampati prima della rivoluzione informatica e successivamente digitalizzati; medio per i testi scritti con l'ausilio di un supporto informatico ma concettualmente simili al modello tipografico lineare (ad es. un articolo per una rivista scientifica); alto, infine, per i testi concepiti direttamente per la rete e inimmaginabili al di fuori del web, ossia i veri e propri testi 'nativi digitali' di cui ci occupiamo nella nostra ricerca.

nativi digitali favoriscono il ricorso a contenuti impliciti, rendendo l'architettura testuale fortemente dipendente dal contesto. Sul piano formale, la rarefazione morfologica e la semplificazione sintattica sono compensate dall'ampio ricorso a segni iconici, come le emoticon, che suppliscono all'assenza di connettivi e segnali discorsivi per esprimere l'affettività del parlante. Nella scrittura digitale, la mancanza di tratti soprasegmentali viene così bilanciata da un uso intensivo di marcatori pragmatici e deittici volti a simulare la compresenza fisica degli interlocutori, dando vita a generi testuali ibridi che fondono tratti dell'oralità spontanea con la scrittura tradizionale e il codice visivo. In questa prospettiva, l'estensione dell'analisi dei DI al contesto della comunicazione digitale ceca si rivela di notevole interesse teorico. Operando quali dispositivi dialogici e affettivi, essi permettono agli interlocutori di regolare il flusso dell'interazione, organizzare il discorso e veicolare la propria *stance* emotiva, epistemica e valutativa.

Il contributo è strutturato come segue: la sezione 2 presenta l'approccio teorico e il quadro metodologico della ricerca empirica; i capitoli 3 e 4 analizzano le due macro-tipologie di costruzioni isolate nel nostro corpus, ossia i dativi orientati all'interlocutore e quelli orientati al locutore. Nel paragrafo 5, infine, vengono esposte le conclusioni dello studio.

2 Approccio teorico e quadro metodologico

Per comprendere la funzione dei DI nella comunicazione digitale ceca, si è scelto di applicare la teoria della *stance* (teoria della presa di posizione), formalizzata dal linguista John W. Du Bois nel suo saggio del 2007 *The Stance Triangle*. L'autore descrive la *stance* come un atto sociale e interattivo attraverso cui i parlanti esprimono valutazioni, definiscono la propria identità e regolano le relazioni reciproche.⁹ Si tratta di un modello nato nell'ambito della linguistica interazionale e della pragmatica, volto a indagare i modi in cui i parlanti negoziano opinioni, relazioni e valori culturali nel parlato spontaneo. Postulando che ogni enunciato sia indissolubilmente ancorato al suo contesto dialogico, questo approccio offre gli strumenti analitici adatti a decodificare le funzioni interazionali dei DI nella comunicazione digitale. Nella sua riflessione sull'assunzione di una posizione, Du Bois afferma che:

⁹ L'adozione di questo modello teorico all'interno della nostra indagine è motivata da ragioni di ordine prettamente funzionale e applicativo. In questo senso, l'efficacia del triangolo della *stance* applicato all'analisi dei dativi interazionali è già stata ampiamente dimostrata da Haddad (2018) nel suo pionieristico studio comparativo sulle varietà di arabo levantino.

One of the most important things we do with words is to take a stance. Stance has the power to assign value to objects of interest, to position social actors with respect to those objects, to calibrate alignment between stance takers, and to invoke presupposed systems of socio-cultural value. (Du Bois 2007, 139)

Tale atto di assunzione di posizione coinvolge, secondo l'autore, almeno due individui o attori sociali (il Soggetto 1 e il Soggetto 2) e un oggetto della posizione, che può essere una cosa, un individuo, un evento o uno stato di cose che funge da obiettivo della valutazione. Queste tre entità costituiscono ciò che Du Bois definisce il triangolo della posizione (*stance triangle*). Quando il Soggetto 1 esprime un'opinione, attiva contemporaneamente tre processi interconnessi: la valutazione (*evaluation*) con cui assegna un valore affettivo, morale o epistemico all'oggetto; il posizionamento (*positioning*) attraverso cui il parlante posiziona se stesso sulla scena sociale, definendo il proprio grado di coinvolgimento, autorità o identità; l'allineamento (*alignment*), grazie al quale il parlante calibra la propria posizione rispetto a quella dell'interlocutore (Soggetto 2). L'allineamento può essere di convergenza (accordo, alleanza) o di divergenza (disaccordo, opposizione). La valutazione si articola a sua volta in due dimensioni interconnesse: la *stance* epistemica, che definisce e valuta il grado di certezza, l'affidabilità e la fonte della conoscenza del parlante rispetto al contenuto espresso, e la *stance* affettiva, che esprime l'investimento emotivo, la postura psicologica e la reazione valoriale del parlante rispetto all'oggetto del discorso.

Nel presente contributo, i DI vengono interpretati come marcatori capaci di attivare la dinamica del triangolo della posizione. Attraverso il ricorso ai DI, il locutore (Soggetto 1) valuta l'oggetto o l'evento (*evaluation*), assume una posizione rispetto a tale oggetto, sia a livello epistemico sia a livello affettivo, ponendosi come parte direttamente coinvolta, ricerca la consonanza con l'interlocutore (Soggetto 2), invitandolo a prestare attenzione allo stesso oggetto, a valutarlo e ad assumere il medesimo atteggiamento cooperativo. Se l'interlocutore concorda con il locutore, il risultato interazionale è un accordo positivo o convergenza. In caso contrario, il risultato si configura come un accordo negativo o divergenza.¹⁰

Al fine di verificare empiricamente il comportamento dei DI nell'ambito della comunicazione digitale ceca, il presente studio adotta un approccio metodologico combinato, quantitativo e qualitativo. I dati analizzati sono estratti dal corpus di ceco

10 Come chiarito da Haddington (2004), convergenza e divergenza non vanno intese come due posizioni rigidamente dicotomiche, quanto piuttosto come i poli di uno spettro continuo di possibili posizioni sfumate.

contemporaneo *csTenTen 12+17+19* (Kilgariff et al. 2014).¹¹ Per identificare le occorrenze dei DI nel contesto digitale, l'indagine ha assunto come punto di partenza il ventaglio di costruzioni emerse nelle analisi di Fried sul ceco parlato (2011, 2019, 2021) ed esaminate nell'introduzione, a partire dalle quali abbiamo isolato e formalizzato le nostre tre costruzioni. Questo ancoraggio descrittivo ha costituito un prerequisito metodologico essenziale per ovviare alla complessità del reperimento dei dati: essendo infatti i DI formalmente identici al dativo proposizionale e ai numerosi usi del cosiddetto *volný dativ* 'dativo libero' (Dvořák 2017),¹² l'estrazione basata su schemi sintattici predefiniti ha permesso di circoscrivere efficacemente il campo di indagine e di isolare le occorrenze in modo più agile. Una prima raccolta quantitativa dei dati, effettuata tramite la formulazione di query CQL specifiche nel gestore di corpora *Sketch Engine*, è stata seguita da un filtraggio manuale delle concordanze ottenute, al fine di eliminare i numerosi falsi positivi generati da dativi privi di un effettivo valore interazionale. I dati testuali filtrati sono stati poi classificati e analizzati sulla base del modello della *stance* illustrato nel paragrafo precedente. In totale, sono state analizzate 600 occorrenze di DI in ceco.

Alla fine di ogni esempio riportiamo tra parentesi il sito web da cui proviene, preceduto da una sigla di due lettere. La prima lettera (maiuscola) indica il genere: *B* per blog, *S* per social network, *F* per forum. La seconda lettera (minuscola) specifica invece se si tratta di un post o di un commento (rispettivamente *p* o *c*).

I DI nelle frasi originali e la loro resa in italiano nella traduzione sono evidenziati in grassetto. Per ragioni di spazio, la traduzione interlineare degli esempi cechi riguarda esclusivamente il micro-contesto in cui appaiono i DI oggetto del nostro studio. Essa viene inserita tra parentesi quadre, all'interno della traduzione italiana.

Preme precisare che la nostra analisi empirica non ha l'ambizione di mappare in modo esaustivo i contesti più frequenti o tipici del DI nella comunicazione digitale in ceco. L'obiettivo principale risiede piuttosto nel verificare se i contesti descritti nella letteratura specialistica ceca sull'DI siano validi anche all'interno della comunicazione digitale,

11 Dal momento che la presente indagine si basa su dati estratti da un corpus di ceco scritto, si rende necessario estendere al contesto della CMC il concetto di 'turno', mutuato dagli studi sull'interazione parlata. Tale operazione si giustifica alla luce della spiccata interattività e immediatezza della CMC, strutturalmente caratterizzata da un'ibridazione tra oralità e scrittura.

12 La complessa relazione tra gli usi proposizionali (in particolare il dativo di interesse) e quelli non proposizionali o pragmatici costituisce il fulcro del dibattito teorico sul dativo etico, come discusso ampiamente da Fried (2011; 2019) per il ceco e da Niclot (2014) in un'ottica comparativa tra italiano, francese e tedesco.

fornendo al contempo una descrizione dell'uso DI basata sul modello della stance di Du Bois.

3 I dativi interazionali orientati all'interlocutore

Nella nostra analisi dedicata ai dativi interazionali nel discorso digitale ceco, siamo partiti dai contesti tipici dei DI orientati all'interlocutore identificati da Fried ed esaminati nella sezione 2.

3.1 La costruzione *já ti nevím / já vám nevím*

La prima costruzione presa in esame all'interno del nostro corpus è *já ti nevím / já vám nevím* (letteralmente 'io non ti-DAT so / io non vi-DAT so', ovvero 'non saprei'). Per mapparne la presenza e la diffusione nella comunicazione digitale ceca, abbiamo condotto una ricerca mirata nel corpus *csTenTen 12+17+19*, selezionando la funzione *Simple*. L'interrogazione ha restituito un totale di 2802 concordanze per *já ti nevím* e di 2546 occorrenze con *já vám nevím*. Da queste è stato estratto un campione casuale di 200 occorrenze, sottoposte a un vaglio qualitativo manuale per isolare i reali usi interazionali.

L'analisi del campione ha rivelato una distribuzione coerente dal punto di vista della pragmatica: le sequenze esaminate si concentrano con netta prevalenza nelle sezioni di interazione asincrona e in particolare nelle repliche di risposta all'interno di forum di discussione. Tale collocazione dimostra come la costruzione *já ti nevím / já vám nevím* mantenga una forte natura dialogica anche nello scritto digitale, agendo quale indicatore di vicinanza relazionale e di mitigazione.

Per ragioni di spazio, l'analisi dettagliata si concentrerà sul commento di un esempio utile a illustrare le dinamiche di *stance* affettiva ed epistemica e di allineamento conversazionale alla luce del modello presentato nel paragrafo 2.

L'esempio (5) proviene dal forum di discussione *eMimino.cz*, un portale comunitario attivo dal 2000, incentrato sui temi della genitorialità e della famiglia. Nel post originale, una ragazza minorenni descrive la sua difficile situazione di futura madre e la convivenza complessa con la suocera; l'esempio da noi selezionato rappresenta la reazione di un'utente della community a tale testimonianza:

- (5) *chtěla jsem deníček okomentovat ale myslím že druzí to udělali za mně... Já ti nevím holka vážně a narovinu ti povídám že v patnácti se starat o mimino ti teda nezávidím... Myslím že nejsi zralá k výchově malého dítěte ač máš zkušenosti s tím že jsi se starala o sourozence... (Fc, eMimino.cz)*

volevo commentare il diario ma penso che altri l'abbiano fatto per me... Non saprei ['io non ti-DAT so'] ragazza, seriamente e sinceramente, ti dico che non ti invidio proprio a doverti occupare di un bambino a quindici anni. Penso che tu non sia matura per l'educazione di un bambino piccolo anche se hai esperienza per aver accudito un fratello o una sorella.

Come abbiamo visto nella sezione 2, all'interno del modello di Du Bois la *stance* si compone di tre atti simultanei: il parlante valuta l'oggetto, assume una propria posizione e stabilisce un rapporto di consonanza o mancata consonanza con il partner nel dialogo. Nell'esempio sopra riportato, l'oggetto della valutazione è la maternità precoce della ragazza quindicenne. Attraverso la costruzione *já ti nevím*, l'autrice del commento realizza un atto di *stance* complesso: valuta la situazione della giovane, assume il ruolo di osservatrice scettica ed esprime una marcata divergenza rispetto alla posizione di lei. La costruzione con il DI opera qui quale efficace risorsa pragmatica per mitigare il disaccordo, salvaguardando la faccia dell'interlocutrice. Essa funge dunque come uno strumento di cortesia linguistica (*hedging*) che permette all'autrice di esprimere disaccordo o avvertimento senza minacciare direttamente la faccia dell'interlocutrice.

3.2 Costruzione con funzione di intensificazione

Per quanto riguarda il secondo contesto di occorrenza, per trovare degli esempi nel corpus abbiamo utilizzato la query CQL [tag="k3.*p1nS.*(c1|c4)"] [word="ti|vám"] [tag="k5.*"] [word="tak|takov.*"]. Questa stringa di interrogazione ha permesso di identificare 521 concordanze complessive, delle quali è stato estratto un campione di 200 occorrenze per l'analisi qualitativa.

Anche per questa costruzione, la quasi totalità degli esempi si riscontra nelle repliche e nei commenti all'interno di forum o blog. Tuttavia, mentre la sequenza *já ti nevím*, analizzata nella sezione precedente, emergeva come risposta diretta a un post specifico di un utente, in questo secondo caso i contributi si configurano anche quale reazione spontanea al tema principale della discussione (l'ipertema) e all'intera comunità virtuale.

Nel caso che segue, l'occorrenza è tratta da un thread di discussione ospitato sulla piattaforma ceca *zhubneme.cz*. Sebbene il portale nasca storicamente come uno spazio tematico dedicato al benessere, alla salute e ai regimi alimentari, la sua ampia sezione forum si è progressivamente configurata come un luogo di interazione asincrona in cui gli utenti si confrontano quotidianamente su svariati aspetti della vita relazionale e quotidiana. L'autrice del commento, Laura, interviene all'interno del thread dedicato alla dieta Atkins:

- (6) *huráááá váha se trochu pohnula, je to těsně pod 75, ale nemám digitální, jen normální, tak snad se mrcha (to se mi moc líbí jak to tady používáte) ručička nevrátí zítra zpátky.[...]Ale holky já vám mám takovou radost, že nemám hlad. Jako pro někoho je to k nepochopení, ale já jsem zkoušela počítat kalorie a různě, ale prostě furt hlad nebo spíš HLAAAAD. A když mám hlad, tak jsem fakt nepřijemná a hrozně nervózní a pak to člověk nevydrží a sní první prasečinu co uvidí, aby náhodou někoho z nervů z hladu nezabil. (Fc, zhubneme.cz.)*

urrààà il peso si è mosso un pochino, è appena sotto i 75, ma non ho la bilancia digitale, solo quella normale, quindi speriamo che quella carogna di lancetta (mi piace un sacco come lo usate qui) domani non torni indietro. [...] Ma ragazze, non vi dico che gioia [io vi-DAT ho tale gioia], non ho fame. Per qualcuno sarà incomprensibile, ma io ho provato a contare le calorie e cose varie, ma semplicemente avevo sempre fame, o meglio FAAAME. E quando ho fame sono davvero insopportabile e terribilmente nervosa, e poi uno non ce la fa più e si mangia la prima schifezza che vede, giusto per non uccidere qualcuno per il nervoso della fame.

In questo contesto, l'utente aggiunge la propria esperienza personale al macro-tema del forum. Non si tratta della reazione a una sequenza dialogica immediata, bensì di un posizionamento rispetto alle aspettative implicite della community: l'autrice sa che la fame costante rappresenta il problema principale e condiviso dalle persone a dieta, e per questo la sua gioia si configura come una risposta a un vissuto comune. La costruzione intensificativa con il DI palesa una reazione emotiva ai propri progressi che l'utente condivide con il gruppo, per ottenere validazione e riconoscimento.

In conformità con il triangolo della *stance* di Du Bois, tale struttura esprime uno stato psicologico fortemente positivo e quasi euforico rispetto alla scomparsa della sensazione di fame. Questo atteggiamento viene accentuato formalmente sia dal sintagma aggettivale *takovou radost* ('una tale gioia') sia dall'uso successivo dello stampatello (HLAAAAD 'FAAAME'), volto a simulare l'enfasi del parlato. La presa di posizione colloca l'autrice nel ruolo di membro integrato della community di ragazze che partecipano al forum. Attraverso la costruzione di intensificazione con il DI di seconda persona plurale *vám* ('vi-DAT'), l'utente si definisce come una 'compagna di dieta' di successo che ha trovato una soluzione a un ostacolo comune, legittimando così la propria autorità empatica.

Per quanto attiene all'allineamento (*alignment*), il DI *vám* rivolto alla community massimizza la consonanza e l'accordo positivo con le interlocutrici, operando come uno strumento strategico di solidarietà e coesione testuale.

4 I dativi interazionali orientati al locutore nella comunicazione digitale: la costruzione esclamativa con il pronome neutro *to* ‘esso, questo, quello’

Per mappare la presenza di questa struttura all’interno del nostro corpus di comunicazione digitale, abbiamo utilizzato la funzione *Simple*, interrogando il corpus *csTenTen 12+17+19* mediante due stringhe fisse: la sequenza *to je mi ale* (‘questo è mi-DAT davvero’) e la sequenza *to je nám ale* (‘questo è ci-DAT davvero’). Nel primo caso la ricerca ha dato esito a 1328 occorrenze, mentre nel secondo ha restituito 112 concordanze. Da questo repertorio è stato estratto e analizzato un campione qualitativo di 200 occorrenze complessive. Tutte le occorrenze esaminate si collocano all’interno di turni di replica conversazionali che comprendono forum e blog.

Anche in questo caso presentiamo il commento di un unico esempio, estratto da un commento polemico pubblicato sul blog cospirazionista ceco *NWOO.org*, sotto un articolo dedicato alle scie chimiche. Nello specifico, il testo reagisce alla notizia secondo cui una parlamentare svedese avrebbe ammesso la tossicità delle scie chimiche, sostenendo che non si tratti di una teoria del complotto:

- (7) *Jejich hrdost jim nedovolí si přiznat jak sami vehementně proti této teorii brojili. Karavana jde dál. Elity to mají dobře vymyšlený. Haha to je mi ale novinka! Zdravý člověk se zdravými očima tohle věděl už dávno!* (Bc, www.nwoo.org)

Il loro orgoglio non permette loro di ammettere quanto loro stessi abbiano lottato veementemente contro questa teoria. La carovana va avanti. Le élite hanno studiato tutto per bene. Ahah, questa sì che è una novità! [questo è mi-DAT ma novità!] Una persona sana con occhi sani lo sapeva già da un pezzo!

Sotto il profilo della gestione del discorso, la sequenza rappresenta una reazione (evidenziata dall’interiezione iniziale *Haha*) e funge da commento sarcastico, sollecitato da una notizia presente nel post precedente. La costruzione *to je mi ale* attiva un meccanismo di disallineamento ironico-sarcastico. In conformità con il modello di Du Bois, il DI *mi* opera in questo contesto su tre assi interazionali simultanei: dal punto di vista della valutazione affettiva ed epistemica, declassa l’informazione precedente da novità a dato ovvio e ampiamente scontato. Per quanto riguarda il posizionamento, colloca il locutore nella posizione di un osservatore che detiene una verità superiore rispetto alla massa ingenua. Per quanto concerne infine l’allineamento, questa costruzione esprime una radicale ed esplicita divergenza (accordo negativo) rispetto all’interlocutore o alla fonte della notizia (i media tradizionali o la versione ufficiale), ma allo stesso tempo esprime un allineamento affiliativo implicito con la community dei lettori del blog cospirazionista.

5 Conclusioni

In conclusione, l'indagine condotta sulle tre specifiche costruzioni sintattiche basate sui Dativi Interazionali (DI) nella comunicazione digitale ceca, ha permesso di evidenziare come tali elementi si configurino come marcatori di stance interazionale.

Nell'ambito dei DI orientati all'interlocutore, la prima costruzione (já ti nevím / já vám nevím) – oltre a configurarsi come la più frequente nei dati del corpus preso in esame – si riscontra tipicamente nei commenti di risposta, assolvendo a una funzione mitigativa e di cortesia negativa, volta a disinnescare la potenziale conflittualità di una critica all'interno dei forum. La seconda costruzione, definita di intensificazione, risulta essere notevolmente meno frequente, registrando meno di un decimo delle occorrenze della struttura precedente; questa si riscontra in post che reagiscono all'ipertema della discussione. Dai dati rilevati, tale risorsa si configura in termini di cortesia positiva, orientata alla massimizzazione dell'allineamento e della coesione all'interno della community. Nell'ambito dei DI orientati al locutore, la costruzione esclamativo-ironica (to je mi / nám ale) registra una frequenza piuttosto alta soprattutto con il DI alla prima persona singolare – pari a circa un quarto delle occorrenze rilevate per la prima struttura –. Questo schema, riscontrabile non solo nei thread di discussione dei forum ma anche nei commenti ai blog, attiva un meccanismo di valutazione sarcastica che delinea una stance di netta contrapposizione, volta a rivendicare una superiorità cognitiva del locutore e una frattura ideologica rispetto a un out-group.

Nel complesso, i dati aprono a ulteriori prospettive di indagine pragmatica e interazionale.

Bibliografia

- Cardinaletti, A.; Starke, M. (1994). «The Typology of Structural Deficiency. On the three Grammatical Classes». *Working Papers in Linguistics*, 4(2), 41-109.
- Cuervo, M.C. (2003). *Datives at Large* [PhD Dissertation]. Boston: MIT.
- Čmejrková, S. (1999). «Czech on the Network: Written or Spoken Interaction?». Naumann, B. (ed.), *Dialogue Analysis and the Mass Media*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 113-26.
- Čmejrková, S. (2003). «Jazyk a styl elektronické komunikace: čeština a počítačština». Tichý, M. (ed.), *Sborník prací Filozoficko-přírodovědecké fakulty Slezské univerzity v Opavě, řada jazykovědná (D), ročník 3. Prof. Milanu Jelínkovi k 80. narozeninám*. Opava: Slezská univerzita, 48-56.
- Čmejrková, S. (2006). «E-čeština». *Čeština doma a ve světě*, 14(1-4), 4-15.
- Du Bois, J.W. (2007). «The Stance Triangle». Englebreton, R. (ed.), *Stancetaking in Discourse: Subjectivity, Evaluation, Interaction*. Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 139-82.

- Dvořák, V. (2017). «DATIV». Karlík, P.; Nekula, M.; Pleskalová, J. (eds), *CzechEncy - Nový encyklopedický slovník češtiny*. <https://www.czechency.org/>.
- Fillmore, C. J. (1982). «Frame Semantics». The Linguistic Society of Korea (eds), *Linguistics in the Morning Calm*. Seoul: Hanshin, 111-37.
- Fried, M. (2011). «The Notion of Affectedness in Expressing Interpersonal Functions». Grygiel, M.; Janda, L. A. (eds), *Slavic Linguistics in a Cognitive Framework*. Berlin: Peter Lang, 1-22.
- Fried, M. (2019). «Interakční dativ v konverzační češtině» (Interactional dative in conversational Czech). Hoffmanová, J. et al. (eds), *Syntax mluvené češtiny*. Praha: Academia, 218-43.
- Fried, M. (2021). «Discourse-Referential Patterns as a Network of Grammatical Constructions». *Constructions and Frames*, 13(1), 21-54.
- Haddad, Y. (2018). *The Sociopragmatics of Attitude Datives in Levantine Arabic*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Haddington, P. (2004). «Stance Taking in News Interviews». *SKY Journal of Linguistics*, 17, 101-42.
- Hoffmanová, J.; Homoláč, J.; Mareš, P.; Jílková, L.; Mrázková, K. (2022). *Míšení žánrů, stylů a diskurzů v internetové komunikaci*. Praha: Academia.
- Homoláč, J. (2009). *Internetové diskuse o cíkánech a Romech*. Praha: Univ. Karlova, Nakl. Karolinum.
- Janda, L. A. (2003). «The Dative Case in Czech: What It Means and How It Fits in». *Selected Papers from the 2003 SVU North American Conference* (Cedar Rapids, Iowa, 26-28 June 2003), 1-9.
- Jandová, E. (2007). *Čeština na internetu: chat*. Ostrava: Ostravská univerzita, Filozofická fakulta.
- Jouitteau, M.; Rezac, M. (2008). «The French Ethical Dative. 13 Syntactic Tests». *Bucharest Working Papers in Linguistics*, 9(1), 97-108.
- Kalnača, A.; Lokmane, I. (2023). «Attitude Dative (Dativus Ethicus) as an Interpersonal Pragmatic Marker in Latvian». *Journal Open Linguistics*. <https://doi.org/10.1515/opli-2022-0240>.
- Karlík, P.; Nekula, M.; Rusínová, Z. (1995). *Příruční mluvnice češtiny*. Praha: Nakladatelství Lidové Noviny.
- Komrsková, Z. (2016). «Komunikace prostřednictvím emotikonů». Veselka, M.; Nowicka D.; Czemplik, N.; Neumann, C. (eds), *Vícejazyčnost. Český, polský a německý jazyk, literatura a kultura v komparaci*. Praha: Filozofická fakulta Univerzity Karlovy, 17-29.
- Michelioudakis, D.; Sitaridou, I. (2009). «The Ethic Dative in Modern Greek and Romance». *Studies in Greek Linguistics*, 29, 355-70.
- Niclot, D. (2014). «From Semantic Roles to Evaluative Markers. The Dative and Affected Possessors». Luraghi, S.; Narrog, H. (eds), *Perspectives on Semantic Roles*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 271-326.
- Palermo, M. (2017). *Italiano scritto 2.0. Testi e ipertesti*. Roma: Carocci.
- Petr, J. et al. (eds) (1986). *Mluvnice češtiny (3): Skladba*. Praha: Academia.
- Puerta Moreno, E. (2020). «Le datif éthique: entre écriture et oralité». *Pragmalingüística*, 28, 108-27.
- Škodová, S. (2002). «Kdo smajluje naposled, ten smajluje nejlíp!». Koudelková, E.; Marková, M. (eds), *Sborník k významnému životnímu jubileu doc. PhDr. Milana Žemličky*. Liberec: Technická univerzita, 95-101.

Fonti e corpora linguistici

- Čermák, F.; Adamovičová, A.; Pešička, J. (2001). *PMK (Pražský mluvený korpus): přepisy nahrávek pražské mluvy z 90. let 20. století*. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha. <https://korpus.cz/>.
- Kilgarriff, A. et al. (2014). «The Sketch Engine: Ten Years on». *Lexicography*, 1(1), 7-36. Corpus utilizzato: *Czech Web Corpus 2012 (csTenTen12+17+19)*.
- Kopřivová, M.; Waclawičová, M. (2006). *ORAL2006: korpus neformální mluvené češtiny*. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha. <https://korpus.cz/>.
- Waclawičová, M. et al. (2008). *ORAL2008: sociolingvisticky vyvážený korpus neformální mluvené češtiny*. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha. <https://korpus.cz/>.

Русские конструкции «спонтанного начала» с частичной грамматикализацией глагола ‘пойти’: к анализу истории и структуры

Vladimir Plungian

V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

Ekaterina Rakhilina

V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

Abstract The paper investigates the Russian construction of ‘spontaneous inceptive’ consisting of the perfective motion verb *pojti* and a dependent infinitive (e.g., *pošël krošit*), which emerged at the beginning of the 19th century. The construction conveys the sudden, uncontrolled, and increasingly intense onset of a repetitive (multiplicative) action. Formally, it features emphatic prosody on *pojti* alongside strict grammatical constraints (a strong preference for finite third-person past-tense forms) and lexical restrictions (incompatibility with homogeneous processes or non-iterative verbs, except for ‘bleached’ predicates like *česat*). The study also examines the impersonal variant *pošlo-poechalo* and the peculiar feminine form *pošla pisat*, demonstrating that the latter originates in early 19th-century poetic usage (P. A. Vjazemskij) rather than Gogol’s *Dead Souls*. Finally, recent marginal extensions to non-multiplicative contexts are discussed.

Keywords Spontaneous inceptive. Motion verbs. Multiplicative action. Russian aspectology. Historical syntax.

Peer review

Submitted 2026-06-11
Accepted 2026-07-23
Published 2026-10-14

Open access

© 2026 Plungian, Rakhilina | 4.0

DOI 10.30687/BES/2785-3187/2026/01/005

1. В настоящей статье мы хотели бы рассмотреть одну специфическую конструкцию, состоящую из глагола СВ *пойти* (в основном в финитных формах прошедшего или будущего времени) и подчиненного ему инфинитива; значение этой конструкции можно в первом приближении определить как инхоативное (т.е. указание на начало действия, подробнее см. ниже). Как кажется, она имеет сравнительно недавнее происхождение: в литературных текстах она обнаруживается приблизительно с начала XIX века; ср. (1), один из первых примеров таких употреблений в НКРЯ, а также (2).

- (1) <...> а он [=Наполеон], как угорелая кошка, и **пошел метаться** из углу в угол и до сих пор в чаду. [Ф. В. Ростопчин. Мысли вслух на красном крыльце российского дворянина Силы Андреевича Богатырева (1807)]
- (2) Экой разбойник! — сказал второй казак, — как напьется чихиря, так и **пошел крошить** все, что ни попало. [М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839-1841)]

В более ранних текстах такой конструкции не обнаруживается; словари XVIII века ее также не фиксируют. Она отмечена в словаре Даля¹ (интуиция В. И. Даля, как всегда, заслуживает внимания, и мы вернемся к его наблюдениям ниже).

Значение начала действия, которое несомненно присутствует в контекстах типа (1) и (2), в принципе кажется хорошо изученным типологически. Более или менее грамматикализированные показатели этого значения (обычно для их обозначения используются ярлыки *инхоатив*, *ингрессив*, *инцептив* и др., иногда с указанием на различные подтипы начинательных значений) описаны в общем плане, например, в работах Недялков 1987, Nedjalkov 2002, Bogaards 2022; более специально о славянском материале в типологическом ракурсе см., в числе прочих, Dickey 1998, Eckhoff 2017. В типологических работах также неоднократно отмечалось, что глаголы движения являются одним из наиболее распространенных лексических источников для формирования инхоативных показателей (особенно те из них, которые обозначают движение от говорящего, как это имеет

¹ В словарной статье глагола *пойти* (с. 243-4 в издании 1882 г.); ср.: «Пошелъ и пойду, съ др. гл., сталь, началъ; стану, буду, съ понятіемъ о длительности, неудержности дѣйствія. Опять пошелъ дурить! Вотъ онъ и пошелъ врать, хвастать. И пошелъ, и пошелъ бранить! Какъ только есть деньги у него, такъ и пойдетъ пить. Ему волю дай, такъ пойдетъ кутить!». Как можно видеть, в этом небольшом комментарии Даль отмечает использование только финитных форм и указывает на появление начинательного значения с дополнительными модальными оттенками: всё это существенные признаки данной конструкции.

место и в случае *пойти*, ср. Майсак 2000 и 2005: 174-6, 371-4) – а при начальной грамматикализации именно они образуют конструкции с инхотативным значением, что мы наблюдаем и в русских примерах.

Сходным образом устроена, например, и английская конструкция *go and V* (*go and see, go and take* и т.д.; подробнее о ней см., например, Nicolle 2009) – близкий аналог другой русской начинательной конструкции, *взять и V* (*взял и сделал*), с особым значением «спонтанного начала» (о них подробнее см. Weiss 2022, Мельчук 2023). Глагол *go* в ней, в силу далеко зашедшей грамматикализации, уже не соотносится с перемещением, а означает именно (спонтанное) начало действия. Это видно, в частности, по его переводным эквивалентам: так, характерным является пример (3) из русско-английского параллельного корпуса НКРЯ, в котором английскому *go* вполне естественно соответствует русское наречие *сразу* (в значение которого входят и инхотативность, и спонтанность):

- (3) Most of our clients do not ***go and live*** in the country they invest in. // Многие наши клиенты не ***переезжают сразу*** в страну, в которую инвестируют капитал. [Claudia Hammond. The puzzling way that writing heals the body [www.bbc.com] (2017) | Загадка психотерапии: напишите о своей боли, и она уйдет? (bbc.com/russian)]

Возвращаясь к русскому языку, заметим, что глагол СВ *пойти* и в своих лексических употреблениях изначально содержит идею начала действия (исходно – начала движения, что в принципе характерно для русских перфективных глаголов движения с приставкой *по-*; см. подробнее, в частности, Janda 2008, Горбова 2022). Примечательно, что в семантически производных употреблениях (которых у глагола *пойти* много), где идея движения смещается на периферию или утрачивается, компонент начинательности хорошо сохраняется: ср. такие контексты как *дело пошло* (≈ 'успешно началось') или конструкции с инфинитивом вида *пошел работать на завод / учиться в МГУ* (≈ 'начал работать / учиться').

Однако примеры вида (1-2), сохраняя связь с другими производными употреблениями *пойти*, тем не менее образуют особую группу с яркой семантической индивидуальностью.

Отметим прежде всего формальные особенности этой конструкции. В отличие от обычных инхотативных сочетаний финитной формы с инфинитивом (типа *пошел работать*), фразовое ударение здесь падает на финитный компонент, а не на инфинитив, причем формы глагола *пойти* произносятся с особой просодией (включающей эмфатическое удлинение гласной начального безударного слога и резким падением

тона на конечном ударном слоге: *паа-шóл* \, *паа-й́дúт* \ и т.п.); инфинитив при этом не несет фразового акцента.

Семантическим коррелятом такой просодии, как можно полагать, является не собственно инхоативное значение (будучи грамматикализированным, оно как раз должно подвергаться дефокусированию и избегать эмфатического выделения, ср. Boye, Harder 2012; Boye 2023 об устойчивой связи между грамматикализированностью и неассертивностью), а тот дополнительный и яркий модальный компонент конструкции, на существование которого указывал уже В. И. Даль. В первом приближении, начало действия, обозначенного инфинитивом, описывается как спонтанное и резкое, возникающее без предварительной подготовки и часто неожиданно не только для наблюдателей, но и для самого субъекта. Кроме того, начавшись, это действие характеризуется возрастающей интенсивностью – в каких-то случаях можно даже говорить о «выходе из-под контроля», наподобие раскручивающейся пружины (вспомним точное слово «неудержность» из определения Даля!); но даже если контроль над ситуацией у субъекта сохраняется, её, так сказать, амплитуда с продолжением действия увеличивается.

Важное дополнение заключается в том, что если подготовительной фазы у ситуации, вводимой глаголом *пойти*, действительно нет, то у нее часто бывает возможен некий внешний стимул, так сказать, триггер. Этот стимул в виде непосредственно предшествующего во времени события и последующая инхоативная конструкция могут выражаться в составе одного сложного предложения, часто объединяясь составным союзом *как...*, (*так*) (*и*), ср. пример (2), а также (4)–(5); в (6) представлена редкая обратная ситуация, в которой инхоативное событие в рамках той же конструкции оказывается предшествующим во времени.

- (4) <...> с богатой-то женой ладить трудновато: чуть не по ней — **и пошла хлестать** тебя по глазам своим богатством [М. Н. Загоскин. Москва и москвичи (1842-1850)]
- (5) <...> **Как** приехал, **так**, говорят, тотчас **и пошел куролесить**. [Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы (1880)]
- (6) <...> **как пойдет трезвонить**, встанешь мигом <...>. [И.Т. Кокорев. Сибирка. Мещанские очерки (1847)]

В большинстве же случаев инхоативная ситуация просто вводится союзом *и*, как в (7); такое синтаксическое поведение также не случайно, оно отражает тот факт, что конструкция с *пойти* нуждается в опорном контексте, на фоне которого

возникает тот самый триггер и то самое спонтанное развитие, которое она описывает.

- (7) Да о чем наша матушка Москва не болтает? Пусти лишь только в ход какую-нибудь злость, она, моя голубушка, **и пойдет плести!**.. Такая кружевница, что не приведи господи! [М. Н. Загоскин. Москва и москвичи (1842-1850)]

У данной конструкции есть целый ряд очень любопытных лексических и грамматических ограничений на входящие в нее компоненты. Рассмотрим их подробнее.

2. Начнем с лексико-семантических ограничений. Действие, вводимое инхотативным *пойти*, должно иметь мультипликативную структуру, т.е. состоять из повторяющихся квантов. Так, *пошел крошить* в (2) предполагает последовательность действий вида 'бить по разным объектам, разрушая их'. Ср. также другие частотные (по НКРЯ) сочетания: *пошел хлестать, бегать по всем этажам, ковырять, скакать, завывать, махать веслами* и др. под.; всё это повторяющиеся действия, состоящие из отдельных событий, следующих друг за другом. Соответственно, так называемые «гомогенные» (непредельные) процессы в данном контексте невозможны; если они встречаются в сочетании с *пойти*, то такие сочетания имеют обычную композиционную интерпретацию «движения с целью», ср. *пошел думать / спать / работать / плакать* и т.п.

Кроме того, в данной конструкции не могут участвовать и так называемые «недоопределенные» глаголы типа *помогать*, не соотносящиеся с фиксированной цепочкой физических действий (помогать можно разными способами, существен конечный результат);² сочетания таких глаголов с *пойти* также интерпретируются как обозначение движения с целью (ср. *пошел искать / помогать* и т.п.).

В то же время, в качестве зависимого инфинитива в инхотативной конструкции могут выступать и семантически пустые предикаты, выражающие только интенсивный характер каких-то воспроизводящихся физических действий.

Наиболее употребительным, по данным корпуса, оказывается в этой роли глагол *чесать*, приобретающий самые разные

2 Подробнее о таких глаголах см., в частности, недавнюю публикацию Т. И. Резниковой, где они определяются как описывающие ситуации, «которые, с одной стороны, предполагают физическое действие (в отличие, скажем, от ментальных или эмоциональных глаголов), а с другой – не задают точный характер этого действия (в отличие от лексем типа 'бежать' или 'целовать')». Такова, например, ситуация 'искать': осуществлять поиск можно и ползая под диваном, и роясь в сумке, и ходя по улицам, и т.д.» (Резникова 2022, 69).

контекстные интерпретации: 'быстро бежать' (*пошел чесать вдоль реки*, 1930), 'двигаться' (заерзал *и пошел чесать задом по грязи*, 1913), 'бить, колотить' (Тут я *и пошел чесать. Тетку сейчас вверх ногами поставил*, 1872), 'гореть, распространяться (о пламени)' (из *молотилки искра — и пойдет чесать*, 1910), 'рисовать, быстро чертить по бумаге' (я тут же хватаю карандаш — *и пошел чесать*, 1981) и т.п. Похожим образом (хотя и менее разнообразно) ведут себя *рвать* и *чертить*, которые, как и *чесать*, исходно описывают действия, предполагающие повтор однообразных движений. *Чертить* в этом контексте означает что-то вроде 'куролесить, пуститься во все тяжкие' (*и пошел чертить, так что домой не появлялся подчас по несколько дней*, 1898), тогда как *рвать* – чаще 'плясать и петь' (в *ладоши хлопнула и пошла рвать*, 1932), но возможны и другие интерпретации.

3. Перейдем теперь к рассмотрению грамматических ограничений на элементы инхоативной конструкции. Как уже отмечалось выше, глагол *пойти* в данной конструкции выступает только в финитных формах: ни инфинитивы, ни причастия (в принципе, естественно, у глагола *пойти* существующие, в том числе и с подчиненными целевыми инфинитивами типа *пойти плясать*), с той специфической семантикой, которую выражает эта конструкция, не совместимы. Возможно, это коррелирует с ее фокусным характером: финитные формы в большей степени могут рассматриваться как фокусные, чем нефинитные. Что касается формы времени, то возможно как прошедшее, так и будущее, как в (7) или (8), но последнее более редко.

- (8) <...> а как выпьет немного, сейчас *и пойдет танцевать*. [А.Ф. Писемский. Люди сороковых годов (1869)]

Заметим, что предпочтение прошедшего времени также может иметь естественное семантическое объяснение: данная конструкция описывает уже состоявшуюся ситуацию (как правило, с позиции наблюдателя, не ожидавшего такого развития событий). Более того, нельзя не заметить, что формально являющееся будущим временем конструкция типа (7) или (8) на самом деле также обозначает уже произошедшие события: это пример хабитуального презенса СВ, описывающий не предстоящее, а регулярно повторяющееся в прошлом явление. Такие употребления хорошо известны в русистике и многократно отмечались (ср., например, рассуждения о «будущем СВ в узуальном значении» в работе Гловинская 1989, 2001 и др.).

Важным является ограничение и на формы лица: прототипическими являются употребления с формами третьего лица, как во всех приведенных выше примерах (что хорошо

коррелирует с идеей описания наблюдаемого действия), формы второго и первого лица кажутся неестественными. В тех очень редких примерах, как (9), где такие формы всё же встречаются, имеет место расщепление ролей: говорящий описывает не столько себя самого, сколько ситуацию наблюдения себя со стороны, предлагая интерпретацию своего поведения; заметим, что (9) иллюстрирует и редкое употребление формы будущего СВ в футуральном, а не хабитуальном значении.

- (9) Она представит себе меня сегодняшнюю, как я вдруг бухнусь в воду **и пойдунурять**. Мне и самой смешно это представить. [Ф. Кнорре. Каменный венок (1973)]

Наконец, говоря о формах лица, следует отметить существование большого класса безличных употреблений (в форме 3 ед., а в прошедшем времени – ед. числа среднего рода, как это и свойственно каноническим безличным конструкциям в русском языке – впрочем, о выборе формы рода см. ниже). Такие употребления описывают поведение неконтролируемых стихийных сил (что хорошо согласуется с семантикой конструкции в целом), «нечто неизвестное», ср. характерный пример (10).

- (10) Стоит себе образ и стоит, как будто и не его это дело, а как ночь, так **и пошло шмыгать** по всему монастырю <...>... [Л.Н. Андреев. Савва (Ignis sanat). (1906)]

Подклассом таких безличных употреблений можно считать конструкцию с опущением зависимого инфинитива вида *и пошлó* (в значении ≈ 'описанная выше ситуация стала развиваться более интенсивно'). Ее появление, судя по данным НКРЯ, тоже оказывается достаточно ранним, ср. (11)-(12):

- (11) Не понимая, в чем дело, я взял и думал, что он поднес какие похвальные стихи в честь мне, <...> присматриваясь, читаю: за квартиру... за самовар... за калачи... **и пошлó** — все за... за... за... [Г.Ф. Квитка-Основьяненко. Пан Халявский (1839)]
- (12) <...> сначала мелкой дробью — па-па-па, — точно ружейный огонь, а там **и пошлó, и пошлó**, так по коридорам гул и ходит... [И.А. Гончаров. Иван Савич Поджабрин (1842)]

Дальнейшим развитием конструкции с опущением зависимого инфинитива можно считать идиоматичную «серийную» конструкцию **и пошло-поехало**, выражающую ту же идею спонтанного неконтролируемого развития ситуации с

нарастающей интенсивностью, но средствами повтора двух синонимичных глаголов движения в одной и той же безличной форме ед. числа среднего рода прошедшего времени, ср. (13)-(14). Заметим, что глагол *поехать* сам по себе не обнаруживает никакого потенциала грамматикализации, даже частичной (невозможно *поехал крошить всё подряд* в рассматриваемом специфическом значении, такое сочетание понимается только как 'поехал с целью'): инхоативное значение он приобретает только в паре с *пошло*. Судя по корпусным данным, эта специфическая конструкция возникает несколько позже обычной безличной, большинство примеров относятся уже к XX веку (а наиболее ранние возникают лишь в самом конце XIX в.).

- (13) Муху не обидит, не то что там корову или теленка. А как выпьет... Сам знаешь, останавливаться не умеем. Сперва вроде немножко, чуть разговеешься, после черепаешечку дернешь дополнительно. Ну а потом **пошло-поехало**. Все тормоза отказывают, от восторга души поим всех подряд. [В. Белов. Бухтины вологодские завиральные (1969)]
- (14) Ливни с ураганом налетают внезапно: вдруг из-за ближней горы как вывалится толстенная туча чернильного цвета — и **пошло-поехало**. Стена воды обрушивается на землю, а повезет, так прямо тебе на голову. [Ирина Васюченко. Хромые на склоне (2014)]

В заключение коснемся одной из самых интересных и загадочных особенностей обсуждаемой конструкции – а именно, возможности употребления формы прошедшего времени глагола *пойти* в ед. числе женского рода (*пошла́*) в безличном значении, ср. (15), с характерным инфинитивом «пустого» глагола *рвать*.

- (15) <...> откуда ни возьмись, на середину выскакивают разом два-три плясуна, и **пошла рвать**... Пляшут до семи потов, до одурения, почти до обморока... Одни за другими, одни за другими... [Д.А. Фурманов. Чапаев (1923)]

Существование варианта женского рода отмечает и В.И. Даль.³ В первом приближении, таким образом, формы *пошло́* и *пошла́* оказываются синонимичными (хотя вторая употребляется существенно реже и в современном литературном узусе, видимо, практически отсутствует). Как кажется, других примеров использования граммы женского рода в глаголе для передачи значения безличного субъекта в русском языке не отмечено.

³ Ср.: *Пошла писать / пошла валять (плясать)* «дело пошло гладко, шибко» (там же). О глаголе *писать* в составе инхоативной конструкции см. непосредственно ниже.

Исследование происхождения такой конструкции в целом находится за рамками настоящих заметок, однако одной её специфической разновидности мы ниже хотели бы коснуться, а именно, выражения *пошла писать* (в современном языке оно приблизительно синонимично выражению *пошло-поехало*, но устойчиво сохраняет женский род).

С легкой руки М. И. Михельсона (1904, 107), чья точка зрения была поддержана впоследствии В. В. Виноградовым, это выражение принято возводить к гоголевскому *пошла писать губерния* («Мертвые души», 1841 год), которое понимается в буквальном смысле – как производство бесконечного канцелярского бумагооборота. Между тем, происхождение этого выражения, скорее всего, другое, и Гоголь не является его первоисточником. На это было указано в проницательной статье И. Г. Добродомова (1998), где в качестве первоисточника этого выражения фигурирует значительно более ранний текст – стихотворение П. А. Вяземского 1821 года, которое так и называется: «Пошла писать».⁴ Его первые две строфы отражают то самое загадочное безличное употребление *пойти* в форме прошедшего времени женского рода, а подчиненный глагол в инфинитиве *писать* близок к «пустым» глаголам интенсивного действия типа *чесать* или *валять*, которые мы рассматривали выше (ср. особенно показательные параллели с *чертить*). Контекстная интерпретация *писать* у Вяземского связана не с письмом, а с повторяющимися действиями – движением повозки вверх и вниз (первая строфа) или поспешным бегством с поля боя (вторая строфа), ср. (16).

(16)

Дорогой бед, дорогой благ,
На всё лишь первый труден шаг.
Летишь ли ввысь, катишься ль в бездны,
Нельзя стремленья удержать!
Шагнул – оглядки бесполезны:

Пошла писать!

Критон отличный генерал:
Врагов в лицо он не видал,
Раз как-то, струсив в первой сече,
Однажды стоит убежать,
А там уже при каждой встрече –

Пошла писать.

⁴ Выражение это было безусловно известно и раньше; например, сам Вяземский употребляет его до этого в переписке: *Какое занятие ни было бы, я тотчас за перо и пошла писать* [П. А. Вяземский. Письма А. И. Тургеневу (1818)]; женский род недвусмысленно указывает здесь на безличную интерпретацию. Заметим также, что даже в этом примере глагол *писать* не обязательно соотносится именно с созданием текста в узком смысле: общее значение этого пассажа скорее соответствует, пользуясь опять-таки формулировкой Даля, ситуации «дело пошло гладко».

Ср. также еще более ранний пример (17), который приводит словарь XVIII в.:

- (17) <...> тычок за толчком, оплеуха за тузом, да и **пошла писать** – благо унимать некому [В. С. Березайский. Анекдоты древних пошехонцев (1798)].

Таким образом, выражение *пошла писать губерния* оказывается не источником сочетания *пошла писать*, а, напротив, его более поздней модификацией (с добавлением субъекта, который в исходной безличной конструкции отсутствовал); при этом его семантика (по крайней мере, исходная) отражала скорее более общую идею того, что вся губерния пришла в «неудержимое» движение – не непременно связанное с письмом и канцелярией. Существенно также, что примеры безличной конструкции *пошла писать* без субъекта продолжают фиксироваться и во второй половине XIX века (заведомо после появления «Мертвых душ»), и никакой связи с письмом в буквальном смысле в них также нет, ср. (18)-(20).

- (18) Как он вскочит — ажно он и не спал — да как запоеет петухом — турки так и дрогнули — и **пошла писать**! Да ведь так расчесал, что они сдуру-то в море бросались, хотели до Царьграда вброд перейти, и достались на закуску морским рыбам! А что было еще под Измаилом, так и рассказывать страшно! А под Очаковым, в самый николин день? [Н. А. Полевой. Рассказы русского солдата (1834)]

- (19) И ведь вот человек-то, кажется, способный, неглупый, а совсем пропадая; то всё ничего, а выпил рюмку, ну, и **пошла писать**, и **пошла писать**, так и пью всё, и отстать не могу. [П. А. Кропоткин. Дневник (1862)]

- (20) Вдруг он ни с того ни с сего вскакивает, выхватывает шашку и на меня... Здравствуйте... Я <...> — вынимаю свою шашку, и **пошла писать**: чик-чак, чик-чак, чик-чак... Насилу розняли. [А. П. Чехов. Леший (1890)]

Лишь много позднее (фактически уже только в XX веке), когда гоголевское выражение получило достаточное распространение, а безличная конструкция с формой женского рода стала маргинальной, побеждает интерпретация с опорой на прямое значение глагола *писать*, ср. (21).

- (21) Известие о страшной находке проникло в мелкую прессу, и «**пошла писать губерния**». [А.Ф. Кони. Из прошлого петербургской прокуратуры (1912)]

Заметим, однако, что в отличие от приведенных выше примеров, А. Ф. Кони использует здесь кавычки, всё еще считая нужным подчеркнуть цитатность выражения.

4. Подведем итоги. В целом можно сказать, что по корпусным данным грамматикализация глагола *пойти* в качестве показателя особого типа инхоативности (начало повторяющейся ситуации с увеличением интенсивности входящих в нее подсобытий и возможной потерей контроля над ними) фиксируется в русском языке с конца XVIII – начала XIX века; такие употребления достигают пика к последней четверти XIX века, а затем идут на спад и с середины XX века постепенно маргинализуются, хотя примеры с такой конструкцией по-прежнему можно встретить и сегодня (в том числе и в устном подкорпусе НКРЯ). Конструкция обладает особой просодией и нетривиальными лексико-грамматическими ограничениями: глагол в инфинитиве прототипически обозначает множественную мультипликативную ситуацию с конкретной семантикой (хотя допускаются и семантически опустошенные глаголы типа *чесать*), глагол *пойти* употребляется только в финитных формах и практически всегда – в формах 3-го лица. Инфинитив может быть опущен, а субъект инхоативной ситуации – безличным; в последнем случае примечательно существование уникальной модели с согласованием по женскому (а не среднему) роду типа *пошла писать*, бывшей в употреблении в языке XIX века.

С точки зрения возможной эволюции этой конструкции в современном языке представляют интерес несколько примеров с неопредельными глаголами не мультипликативной семантики: в письменных текстах последнего времени такие расширенные контексты иногда встречаются, ср. (21-22); в примере (22) отметим также редкий субъект 1-го лица.

(22) <...> по законам физики крохотное деревце выпрямилось **и пошло тянуться** [≈ 'начало неконтролируемо тянуться'] вверх. [Г. Щербакова. Реалисты и жлобы (1997)]

(23) <...> а я, как на грех, **пошла расти** как на дрожжах, всё мне коротко, руки длинные, из рукавов вылезают на четверть! [Ф. Кнорре. Каменный венок (1973)]

Как мы помним, такие контексты для языка XIX века не типичны. Трудно сказать, идет ли в этом случае речь о начале какого-то эволюционного процесса, который будет поддерживать дальнейшее употребление грамматикализованного *пойти* в языке – или это отдельные случайные употребления, которые скорее отражают маргинализацию этой конструкции в современном языке, чем ее дальнейшее развитие.

Библиография

- Гловинская, М.Я. (1989). «Семантика, прагматика и стилистика видо-временных форм». Шмелёв, Д.Н. (ред.), *Грамматические исследования: функционально-стилистический аспект*, 74-145. М.: Наука.
- Гловинская, М.Я. (2001). *Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола*. М.: Азбуковник.
- Горбова, Е.В. (2022). «Приставочные глаголы движения в русском языке: деривация и вид». Герасимов, Д.В. et al. (ред.), *Opuscula linguistica Magistro sapientissimo dedicata. Сборник статей к 90-летию Виктора Самуиловича Храковского*, 47-55. СПб.: ИЛИ РАН.
- Добродомов, И.Г. (1998). «Как пошла писать губерния?». *Russian Language Journal*, 52(171/173), 3-19.
- Майсак, Т.А. (2000). «Грамматикализация глаголов движения: опыт типологии». *Вопросы языкознания*, 1, 10-32.
- Майсак, Т.А. (2005). *Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции*. М.: ЯСК.
- Мельчук, И.А. (2023). «Две русские лексемы: ВОЗЬМИ [иҮ-ни] и ВЗЯТЬ² [иҮ-нуть]». *Русский язык в научном освещении*, 2(46), 9-25. <https://doi.org/10.31912/rjano-2023.2.1>.
- Михельсон, М.И. (1904). *Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии*. Т. II. СПб.
- Недялков, В.П. (1987). «Начинательность и средства ее выражения в языках разных типов». Бондарко, А.В. (ред.), *Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис*, 180-95. Л.: Наука.
- Резникова, Т.И. (2022). «Глаголы прятания: типология систем». *Вопросы языкознания*, 4, 66-94. <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2022.4.66-94>.
- Bogaards, M. (2022). "The Discovery of Aspect: A Heuristic Parallel Corpus Study of Ingressive, Continuative and Resumptive Viewpoint Aspect". *Languages*, 7(3), 158. <https://doi.org/10.3390/languages7030158>.
- Boye, K. (2023). "Grammaticalization As Conventionalization of Discursively Secondary Status: Deconstructing the Lexical-Grammatical Continuum". *Transactions of the Philological Society*, 121(2), 270-92. <https://doi.org/10.1111/1467-968X.12265>.
- Boye, K.; Harder, P. (2012). "A Usage-Based Theory of Grammatical Status and Grammaticalization". *Language*, 88(1), 1-44.
- Dickey, S. (1998). "Expressing Ingressivity in Slavic: The Contextually-Conditioned Imperfective Past vs. Phase Verb Stat' and Procedural za-". *Journal of Slavic Linguistics*, 7(1), 11-44.
- Eckhoff, H.M. (2017). "New beginnings: Ingressives in Early Slavic". Makarova, A.; Dickey, S.M.; Divjak, D. (eds), *Each Venture a New Beginning: Studies in Honor of Laura A. Janda*, 257-76. Bloomington: Slavica.
- Janda, L.A. (2008). "Motion Verbs and the Development of Aspect in Russian". *Scando-Slavica*, 54, 179-97.
- Nedjalkov, V.P. (2002). "Notes on the Typology of Principal Types of Inceptive Predicates: Three Types of Phasal Inceptives (Inchoatives, Ingressives, Initiatives); Two Non-Phasal Types (Iterative Proper and Adverbial Iteratives)". Bublitz, W.; von

- Roncador, M.; Vater, H. (eds), *Philologie, Typologie und Sprachstruktur. Festschrift für Winfried Boeder zum 65. Geburtstag*, 137-56. Frankfurt/Main: Peter Lang.
- Nicolle, S. (2009). "Go-and-V, come-and-V, go-V and come-V: A Corpus-Based Account of Deictic Movement Verb Constructions". *English Text Construction*, 2(2), 185-208. <https://doi.org/10.1075/etc.2.2.03nic>.
- Weiss, D. (2022). "Russian Constructions With 'Take' Expressing an Unexpected Event: Their Historical Origin and Development in the 19th Century". *Stellenbosch Papers in Linguistics Plus* 65, 37-54. <https://doi.org/10.5842/65-1-968>.

Rivista semestrale | Semestral journal

Dipartimento di Studi Linguistici

e Culturali Comparati

Università Ca' Foscari Venezia

Università
Ca' Foscari
Venezia